

Правовая жизнь общества

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Под редакцией

доктора юридических наук, профессора,
заслуженного деятеля науки РФ

А. В. Малько

ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА И ПРАВОВАЯ ЖИЗНЬ ОБЩЕСТВА

ОТДЕЛЬНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ ПРАВОВОЙ ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА

ВИРТУАЛЬНАЯ ПРАВОВАЯ ЖИЗНЬ ОБЩЕСТВА

СУДЕБНАЯ ЖИЗНЬ КАК РАЗНОВИДНОСТЬ ПРАВОВОЙ ЖИЗНИ

ПЕНИТЕНЦИАРНО-ПРАВОВАЯ ЖИЗНЬ

И ДР.

Коллектив авторов
Правовая жизнь общества:
проблемы теории и
практики. Монография

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21555580

ООО «Проспект»; 2015

ISBN 9785392197705

Аннотация

Монография посвящена исследованию проходящей этап становления категории «правовая жизнь», приобретающей в современной юридической науке все большую значимость. Проводится теоретико-методологический анализ правовой жизни общества, ее природы и закономерностей развития, а также связи с правовой политикой современного Российского государства. Особое внимание уделено отдельным элементам правовой жизни общества и ее видам. Законодательство приведено по состоянию на ноябрь 2014 г. Издание рассчитано на студентов, магистрантов и аспирантов юридических вузов, ученых-юристов и практиков, а также всех тех, кто интересуется рассматриваемой в монографии проблематикой.

Содержание

Предисловие	5
I. Правовая политика и правовая жизнь общества	7
1. Правовая жизнь общества как предельно широкая юридическая категория (А. В. Малько)	7
2. Правовая политика, правовая жизнь и проблема уяснения правового и неправового в поведении социальных субъектов (В. А. Затонский)	39
3. Правовая жизнь общества: теоретико-методологические аспекты исследования (А. В. Малько, В. В. Трофимов)	73
Конец ознакомительного фрагмента.	97

**Правовая жизнь
общества: проблемы
теории и практики**
Монография
**Под редакцией
доктора юридических
наук, профессора,
заслуженного деятеля
науки РФ А. В. Малько**

[битая ссылка] ebooks@prospekt.org

Предисловие

Правовая жизнь – сложное и многогранное явление, которое нуждается в комплексном анализе, причем как с теоретических позиций, так и с точки зрения практики.

Для современной юридической науки категория «правовая жизнь» относительно новая. Несмотря на этот факт, имеются монографические исследования, проводившиеся ранее¹. За прошедшие 10 лет накопилось много теоретического и практического материала, нуждающегося в осмыслении и обобщении. Представляется, что сегодня наступает новый этап в разработке анализируемой категории.

В монографии приводятся теоретико-методологическая разработка выделенного понятия, исследование его природы и закономерностей развития, а также связи с категорией «правовая политика». Особое внимание уделено, в частности, таким отдельным элементам правовой жизни общества, как субъективное право и юридическая обязанность, правовое регулирование, правовые ситуации, и некоторым ее разновидностям (например, судебной, пенитенциарной, виртуальной, международно-правовой жизни).

Предлагаемый коллективный труд – очередной «шаг» в анализе современной правовой жизни общества как доста-

---

¹ См.: Правовая жизнь в современной России: теоретико-методологический аспект / под ред. Н. И. Матузова и А. В. Малько. Саратов, 2005.

точно динамического явления и предельно широкой категории юриспруденции.

**Научный редактор – доктор юридических наук,
профессор,**

заслуженный деятель науки Российской Федерации

А. В. Малько

I. Правовая политика и правовая жизнь общества

1. Правовая жизнь общества как предельно широкая юридическая категория (А. В. Малько)

В современном обществе, связанном с глобальными процессами и вызовами времени, все больше требуются научные усилия по созданию категорий, отражающие данные процессы и вызовы, способные объяснить возникающие социальные реалии, предложить решения новых экономических, политических, нравственных и иных проблем. Не исключением здесь выступает и юридическая наука, тоже испытывающая острый дефицит в сфере наиболее обобщающих понятий, с помощью которых можно было бы полноценно исследовать сложные и многогранные процессы, происходящие в правовом развитии различных стран.

Среди таких понятий, проходящих этап своего становления, на рубеже XX–XXI веков выделена и категория «правовая жизнь», под которой можно понимать форму социальной жизни, выражающуюся преимущественно в правовых

актах и правоотношениях, характеризующую специфику и уровень правового развития данного общества, отношение субъектов к праву и степень удовлетворения их интересов².

Именно она призвана отражать сложноразвивающуюся и противоречивую юридическую действительность, неразрывную связь многообразных правовых явлений со всеми другими сферами жизнедеятельности общества – экономической, политической, нравственной, религиозной и т. п.

Однако в литературе введение категории «правовая жизнь» в понятийный ряд юридической науки получило неоднозначную оценку. Одни авторы выступают за подобное введение³, вторые согласны с детальным исследованием са-

---

² См. подробнее: *Малько А. В.* Новые явления в политико-правовой жизни России: вопросы теории и практики. Тольятти, 1999; *Он же.* Политическая и правовая жизнь России: актуальные проблемы. М., 2000. С. 35; *Он же.* «Правовая жизнь» как важнейшая категория юриспруденции // Журнал российского права. 2000. № 2; *Он же.* Современная российская правовая политика и правовая жизнь // Правовая политика и правовая жизнь. 2000. Ноябрь. С. 21; *Он же.* Категория «правовая жизнь»: проблемы становления // Государство и право. 2001. № 5; *Он же.* Правовая жизнь: основы теории // Правовая жизнь в современной России: теоретико-методологический аспект / под ред. Н. И. Матузова и А. В. Малько. Саратов, 2005. С. 43; *Он же.* Теория правовой политики: Монография. М., 2012. С. 34; *Он же.* Правовая жизнь общества как объект правовой политики // Правовая жизнь. 2013. № 1. С. 5–26; *Он же.* Правовая система и правовая жизнь общества // Журнал российского права. 2014 и др.

³ См., напр.: *Трофимов В. В.* Правовая жизнь: теоретические и социально-философские проблемы исследования // Правовая политика и правовая жизнь. 2003. № 4. С. 124–133; *Барсуков А. Ю.* Правовая жизнь и правовой прогресс // Правовая жизнь в современной России: теоретико-методологический аспект / под ред. Н. И. Матузова и А. В. Малько. Саратов, 2005; *Ветютнев Ю. Ю.* За-

мой правовой жизни, но не одобряют «придание» ей статуса научной категории⁴.

Если говорить о первых, то идею выдвижения правовой жизни в качестве категории поддержали философы⁵, этому были посвящены успешно защищенные кандидатские диссертации⁶, а также ряд монографий⁷, сборников научных

кономерное и случайное в правовой жизни // Правовая жизнь в современной России: теоретико-методологический аспект / под ред. Н. И. Матузова и А. В. Малько. Саратов, 2005; *Синюков В. Н., Синюкова Т. В.* К обновлению методологии юридической науки // Современные методы исследования в правоведении / под ред. Н. И. Матузова и А. В. Малько. Саратов, 2007. С. 38; *Синюков В. Н.* Российская правовая система. Введение в общую теорию. 2-е изд., доп. М., 2010. С. 18; *Малахов В. П., Эриашвили Н. Д.* Правовая жизнь, ее содержание и формы // Методологические и мировоззренческие проблемы современной юридической теории. М., 2011; *Панченко В. Ю.* Правовая политика в сфере юридической помощи: общетеоретический анализ: монография. М., 2013. С. 85–86.

⁴ См., напр.: *Баранов В. М.* Теневое право. Н. Новгород, 2002; *Матузов Н. И.* Правовая жизнь как объект научного исследования // Правовая жизнь в современной России: теоретико-методологический аспект / под ред. Н. И. Матузова и А. В. Малько. Саратов, 2005.

⁵ См., напр.: *Невважжай И. Д.* Социально-философские основания концепции правовой жизни // Философская и правовая мысль: альманах. Вып. 4. Саратов; СПб., 2002. С. 38–51; *Он же.* История и философия науки в двух частях Ч. 2. Философские проблемы социально-гуманитарных (юридических) наук. Саратов, 2012. Глава 3; *Демидов А. И.* Политико-правовая жизнь: ненормативный аспект // Правовая политика и правовая жизнь. 2002. № 3.

⁶ См., напр.: *Михайлов А. Е.* Правовая жизнь современной России (проблемы теории и практики): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2004; *Коновалова А. С.* Обычное право в российской правовой жизни: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005; *Шиянов В. А.* Правовая система и правовая жизнь общества: теоретический аспект взаимодействия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008; *Шавлохова З. К.* Индивидуальная правовая жизнь и ее основные

трудов и материалов конференций и круглых столов⁸. Научное сопровождение процессу «придания» правовой жизни категориального статуса осуществляется специальными профильными журналами «Правовая политика и правовая жизнь» (издаваемого Саратовским филиалом Института государства и права РАН) и «Правовая жизнь» (издаваемого юридическим факультетом Таджикского национального университета).

С позиции синергетического подхода проблему правовой жизни общества рассмотрел К. В. Шундигов, который верно подметил, что «одной из интегративных юридических абстракций, относительно недавно введенных в науч-

---

формы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010; Ноздрин А. Н. Правовая жизнь как категория современной юридической науки: теоретико-методологическое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Мариуполь, 2013.

⁷ См., напр.: Демидов А. И., Малько А. В., Саломатин А. Ю., Долгов В. М. Политическая и правовая жизнь модернизирующегося общества. Пенза; Саратов, 2002; Правовая жизнь в современной России: теретико-методологический аспект / под ред. Н. И. Матузова и А. В. Малько. Саратов, 2005.

⁸ Политическая и правовая жизнь: федеральные и региональные проблемы: сборник материалов региональной научной конференции / под ред. А. В. Малько и А. Ю. Саломатина. Пенза, 2001; Актуальные проблемы российской правовой жизни: Материалы круглого стола / под ред. А. В. Малько. Самара, 2006; Политическая и правовая жизнь изменяющейся России: межвузовский сборник научных трудов / под ред. Г. Н. Комковой и А. В. Малько. Вып. 1. Саратов, 2007; Актуальные проблемы правовой политики и правовой жизни современной России: сборник научных статей / отв. ред. Р. В. Пузиков. Тамбов, 2008; Правовая политика и правовая жизнь России в начале XXI века: Материалы международного круглого стола / под ред. И. А. Иванникова, В. Я. Любашица и А. В. Малько. Ростов-на-Дону, 2008.

ный оборот, стало понятие правовой жизни общества», которое, включая в себя как правомерные, так и противоправные составляющие, «бросает вызов проблеме сложности объекта юридической науки, по сути, являясь попыткой выработать более адекватный (по сравнению с ранее применяемыми) методологический алгоритм ее решения», «привлекает внимание ученых к проблемам противоречий в юридической сфере, разного рода дефектам правового регулирования, правовым отклонениям, юридическому «негативу»»⁹.

Думается, использование синергетического подхода в исследовании правовой жизни общества весьма перспективно. Он позволяет по-новому взглянуть на юридическую действительность, выявить в ней самоорганизующиеся начала, определить источники ее развития. Тем самым вносится вклад в создание теории правовой жизни общества, совершенствуется методологический ресурс, с помощью которого названную правовую жизнь можно полноценно анализировать.

Если же говорить о тех, кто не согласен «предоставлять» правовой жизни общества категориальный статус, то, в частности, В. М. Баранов в этой связи отмечает, что «категория «правовая жизнь» вряд ли может приобрести строгий гносеологический статус и в силу этого «найти» свое логически оправданное место в понятийных рядах общей теории пра-

---

⁹ См.: Шундииков К. В. Синергетический подход в правоведении. Проблемы методологии и опыт теоретического применения. М., 2013. С. 108, 111, 119.

ва» и поэтому «не могу разделить оптимизм А. В. Малько относительно придания понятию «правовая жизнь» статуса самостоятельной юридической категории со всеми вытекающими отсюда последствиями»¹⁰.

Хотелось бы разобраться обстоятельнее в позиции В. М. Баранова, поскольку она наиболее аргументирована. С одной стороны, первоначально на странице 21 своей монографии «Теневое право» определение понятия правовой жизни общества он считает «в целом приемлемым». Но уже на странице 23 подчеркивает, что определять «правовую жизнь» через «формы юридического бытия» алогично, «ибо «юридическое бытие» столь же объемная и столь же неопределенная категория, как и «правовая жизнь»¹¹.

Что касается алогичности определения правовой жизни общества через «формы юридического бытия», то мы отчасти согласны с названным замечанием и предлагаем определять данное понятие через более общее (родовое) понятие «форма социальной жизни», которое весьма активно исследуют в философской и социологической литературе¹².

---

¹⁰ Баранов В. М. Указ. соч. С. 23, 25.

¹¹ Там же. С. 21, 23.

¹² См., напр.: Барулин В. С. Социальная жизнь общества. Вопросы методологии. М., 1987; Он же. Социальная философия (в двух частях). Ч. 1. М., 1993; Гидденс Э. Социология. М., 1999; Тощенко Ж. Т. Социология жизни как концепция исследования социальной реальности // Социс. 2000. № 2. С. 3–13; Основные составляющие социальной жизни // Социология. Основы общей теории / отв. ред. Г. В. Осипов и Л. Н. Москвичев. М., 2002. Раздел 2; Левашев В. К. Со-

Не аргументирует В. М. Баранов и критику десятого признака правовой жизни общества, который, по его мнению, «представляет собой, с точки зрения логики, непримиримое противоречие»¹³. Сам этот признак заключается в следующем: «правовая жизнь содержит комплекс всех юридических явлений, включающий как позитивные, так и негативные составляющие. Если к **первым** следует отнести само право (отражающее права человека, идеи справедливости, гуманизма, свободы и т. п.), правовую систему в целом, механизм правового регулирования, законные правовые акты (правомерные действия, их результаты, юридические документы), юридические поступки (как разновидность правомерного действия – юридического факта) и события как юридический факт, правовые режимы и составляющие их первичные юридические средства (льготы, поощрения, дозволения, запреты, наказания, обязанности и т. п.), правоотношения и юридическая практика, правосознание и правовая культура; законность и правопорядок, юридическая наука и образование (и их структуры) и т. д., то ко **вторым** в основном негативные, противоправные явления (преступления и иные правонарушения, их субъекты и криминальные структуры, коррупцию, злоупотребления, деформации правосознания, выражающиеся, в частности, в правовом нигилизме, идеализме, популизме, ошибки в праве и иные,

---

ципополитическая динамика российского общества (2000–2006). М., 2007.

¹³ Баранов В. М. Указ. соч. С. 21.

препятствующие положительной юридической деятельности факторы)».

В. М. Баранов отмечает, что «вторая часть этого признака, как видим, в основном негативная, и именно в этом качестве она «присутствует» как противоположность позитивной составляющей»¹⁴. Однако в данном высказывании не доказывается логическое «непримиримое противоречие», а лишь декларируется.

Можно предположить, что включение нами негативной, противоправной составляющей в понятие «правовая жизнь» представляется с позиции формальной логики уязвимым, поскольку стремится подвести под общее родовое понятие «правового» разные, в том числе и прямо противоположные явления. Да, это так. Однако нам приходилось уже не раз в литературе отмечать, что правомерные и противоправные начала правовой жизни общества – **правовые** по своему характеру (в смысле юридические) и выступают составными частями юридической среды, являются сегментами правового поля. Конечно, и те и другие различаются по природе и направленности, как, например, правомерное и противоправное поведение. Но и то и другое поведение – **правовое**. В этой связи В. Н. Кудрявцев верно подметил, что «основное различие в рамках правового поведения – это различие между поведением правомерным и неправомерным, проти-

---

¹⁴ Там же. С. 22.

воправным»¹⁵. Это же подчеркивает и Р. Т. Жеругов, когда пишет, что «понятие «правомерное поведение» является составной частью более широкой категории «правовое поведение», содержание которой охватывает любую юридически значимую деятельность, в том числе и противоправную»¹⁶.

На наш взгляд, в приведенном положении противоправное поведение обосновано названо **правовым (но не правомерным)**, как, собственно, обосновано называют **правовыми и незаконные акты** (например, конкретный, признанный судом незаконный нормативный правовой акт). Здесь речь идет не о правомерности либо неправомерности, а об отнесении данных феноменов к юридическим явлениям, не о праве как таковом, а о юридическом бытии, о специфической форме жизнедеятельности, которые неизбежно включают в себя и теневой сектор.

Разумеется, определенные условности («погрешности») присутствуют в подобном понимании. И мы в принципе не против названия более точного и нейтрального – **«юридическая жизнь»**, имея в виду в данном случае их синонимический режим использования (**правовой-юридический**).

Но разве это касается лишь правовой (юридической) жизни. Это же в полной мере можно отнести не только к названным понятиям **«правовое поведение»** и **«правовой акт»** (которые, как уже говорилось, могут содержать в себе

---

¹⁵ Кудрявцев В. Н. Правовое поведение: норма и патология. М., 1982. С. 3.

¹⁶ Жеругов Р. Т. Теория государства и права. Москва; Нальчик, 1995. С. 227.

и противозаконные элементы), но и к правовой системе общества. В частности, в последнее время ряд авторов стали включать в понятие правовой системы и негативные элементы, в том числе и правонарушения. Так, В. Н. Карташов отмечает, что «в рамках рассматриваемой нами теории предусмотрен значительный раздел, посвященный социально-правовым отклонениям в правовой системе общества (правонарушениям, юридическим конфликтам, рискам, ошибкам и т. п.)»¹⁷. Правонарушения же, как известно, противоправны, и, следовательно, в таком случае здесь тоже появляется логическое противоречие и правовую систему в такой ситуации лучше называть юридической. А разве понятие «правовая информация» содержит в себе только правомерные составляющие? Так можно перечислять и дальше.

В итоге отметим, что **«правовое»** (в смысле «юридическое») может и должно включать в себя все так или иначе относящееся к праву, не только правомерное, но и противоправное, и соответственно правовая (юридическая) жизнь общества, как и всякая иная (социальная, экономическая, политическая и т. д.), действительно, есть единство противоположностей позитивного и негативного. И между тем и другим нет никакого логического противоречия. Это две половинки одного целого – правовой жизни, которые и анализировать необходимо вместе, комплексно, как взаимосвязан-

---

¹⁷ См, напр.: *Карташов В. Н.* Теория правовой системы общества (в двух томах). Т. 1. Ярославль, 2005. С. 55.

ные части.

В. М. Баранов отрицает обоснованность и специфическое содержание понятия «правовая жизнь». На каком же основании? В частности, он пишет, что «не беднее» понятия правовой жизни другие понятия, такие как «бытие права», «правовая среда», «правовая действительность», «правовая реальность», «правовая сфера»¹⁸.

Что касается понятия «правовая среда», то оно должно соотноситься с тем, чьей средой оно является. Об этом имеет смысл говорить, но такое понятие не является «конкурентом» понятия правовой жизни, ибо оно не обладает ясным научным статусом (что значит среда?). Точно так же может быть оценено понятие «правовая сфера». В лучшем случае оно выступает ненаучным выражением смысла понятия «правовая действительность» или «правовая реальность». Последние два понятия вне определенного философского контекста являются просто синонимичными. Они обозначают совокупность наличных юридических феноменов, которые имеют место в каждом конкретном обществе. Юристы пользуются термином «бытие», как правило, не в философском смысле, а просто как обозначение всего сущего, существующего и относящегося к праву, связанного с правом. То есть «правовое бытие» – это все сущее, имеющее атрибут правового; «бытие права» – это право в своем бытии, право как оно существует в действительности, как оно есть (в

---

¹⁸ Там же. С. 22, 23, 24.

смысле наличности). В термине «есть» заключен и другой смысл – связки в суждениях «А есть Б», когда мы о чем-то говорим, что оно не просто есть, есть что-то, обладает чем-то, принадлежит чему-то¹⁹.

По поводу замечания В. М. Баранова об оправданности понимания «отношения субъектов к праву» как «проявления права»²⁰ хотелось бы отметить, что критикуемый автор сам подчеркивает, что противоправное поведение есть отношение (негативное) к праву. Можно ли это понимать как «проявление права»? Да, конечно! Аргументация В. М. Баранова такова: «Предмет и отношение к предмету – это совершенно разные вещи»²¹. В этом положении нет места для спора. Однако существуют две концепции отношений, так что эту фразу можно по-разному толковать: а) отношение к предмету не определено предметом, не зависит от него и б) отношение к предмету обусловлено самим предметом. В последнем случае отношение является не **внешним** для предмета (как в первом случае), а **внутренним**. Иными словами, во-первых, само существование «отношения к» предполагает бытие предмета (в нашем случае – права). При этом само отрицание права (т. е. отношение к нему) предполагается самим существованием права. Так, если закон нико-

---

¹⁹ См. подробнее: *Малько А. В., Невважай И. Д.* Правовая жизнь и теневое «право» // Правовая политика и правовая жизнь. 2013. № 4. С. 12.

²⁰ *Баранов В. М.* Указ. соч. С. 23–24.

²¹ Там же. С. 24.

гда не нарушается и не может быть нарушен, то его не надо декларировать как правило, которому должно следовать. Во-вторых, определенность бытия права обуславливает совокупность отношений, в которых может находиться, в которые может вступать право. Так же как, например, протяженность вещи предполагает определенные (не всякие!) отношения к ней других вещей. Именно эту концепцию отношений имел в виду Гегель, когда рассматривал неправо как выражение отношения права к самому себе²².

Во многом «шум» вокруг научного статуса правовой жизни общества возник потому, что данное понятие стало претендовать на то, на что, на наш взгляд, необоснованно претендовало до недавнего времени понятие «правовая система» – на то, чтобы стать предельно широкой категорией, охватывающей собой все юридические явления. Так, Н. И. Матузов в этой связи отмечает, что «в последнее время некоторые правоведы предлагают наряду с устоявшейся и общепринятой у нас и за рубежом категорией «правовая система» (предельно широкой, собирательной, многоэлементной) ввести в юридический лексикон как бы параллельное, но еще более объемное, по их мнению, понятие «правовая жизнь»²³.

Во-первых, вводимое понятие правовой жизни не выступает ни в коем случае параллельным понятием наряду с правовой системой. Как и в иных гуманитарных науках, где

---

²² См.: Малько А. В., Невважай И. Д. Правовая жизнь и теневое «право». С. 13.

²³ Матузов Н. И. Правовая жизнь как объект научного исследования. С. 11.

уже традиционно исследуются «три кита», которые можно в принципиальном плане схематично обозначить следующим образом: «экономика» – «экономическая система» – «экономическая жизнь»; «политика» – «политическая система» – «политическая жизнь»; «нравственность» – «нравственная система» – «нравственная жизнь» и т. п., так и в юриспруденции следует двигаться от отдельного явления («право») к более сложному – целостной системе («правовая система») и от нее к самому сложному – совокупной разнообразной жизнедеятельности («правовая жизнь»). Это закономерный ход развития юридической мысли, с чем просто необходимо считаться, как с данностью.

К тому же для более полного анализа общественного развития важно досконально исследовать связи правовой жизни с экономической, политической, нравственной, религиозной и иной жизнью. Однако нет другой такой категории, с помощью которой можно было бы это сделать. Что касается рассмотрения связей правовой системы с названными разновидностями жизнедеятельности, а также с экономической, политической, нравственной и иными системами, то это **второй** уровень исследования, который (в силу нетождественности правовой жизни и правовой системы) не может заменить **первый** уровень. Полноценный анализ взаимодействия различных видов жизнедеятельности общества возможен лишь при том условии, что объекты исследования будут одного уровня, примерно одного класса и статуса («правовая

жизнь – экономическая жизнь – политическая жизнь – нравственная жизнь» и соответственно «правовая система – экономическая система – политическая система – нравственная система»).

В рецензии на коллективную монографию «Правовая жизнь в современной России: теоретико-методологический аспект», Н. Н. Вопленко и В. А. Рудковский совершенно обоснованно отмечают, что «Н. И. Матузову, на наш взгляд, не удалось убедительно доказать, что научное понятие правовой жизни является ненужным, поскольку в науке уже имеется столь же широкая категория «правовая система». С таким утверждением можно было бы согласиться, если бы речь шла об однопорядковых явлениях. Но ведь автор пытается доказать нечто обратное. Он отмечает, в частности, что правовая система и правовая жизнь соотносятся как отражатель и отражаемое и подчеркивает, что рассматривать данные понятия как более узкое или широкое некорректно. Речь может идти лишь об адекватности или неадекватности отражения, опосредования. Иными словами, правовая жизнь и правовая система – это все же разные явления. Правовая система всего лишь отражение правовой жизни. Из этого следует, что подлинной реальностью и первичностью обладает именно правовая жизнь, в то время как правовая система имеет вторичное, производное значение и представляет ценность, лишь будучи адекватным отражением правовой жизни. Но может ли в таком случае понятие правовой системы

служить надежным и достаточным источником наших знаний о правовой жизни? А если отражатель искажает действительность?»²⁴.

Во-вторых, понятие правовой жизни, включая в себя понятие правовой системы, олицетворяет собой не только статические, но прежде всего динамические процессы, осуществляемые в юридической сфере, содержит не только системные, но и несистемные сегменты. Верно подмечено, что «правовая жизнь является процессом, действительностью в ее динамике, всегда завершающейся, рано или поздно кристаллизацией правоотношений или их разрушением, ... в противоположность понятию правовой жизни понятие правовой системы характеризует общество с точки зрения одной из его структур как продукта кристаллизации общественных процессов»²⁵.

В-третьих, по объему действительно понятие «правовая жизнь» значительно богаче и шире понятия «правовая система». При всем их внешнем первоначальном сходстве у данных категорий несовпадающие структуры. Никакая система не может включать в себя все то, что есть в жизни. В этом смысле они не конкуренты. Жизнь богаче любых си-

---

²⁴ *Вопленко Н. Н., Рудковский В. А.* Рецензия на монографию «Правовая жизнь в современной России: теоретико-методологический аспект» / под ред. Н. И. Магузова и А. В. Малько. Саратов, 2005. С. 250.

²⁵ *Малахов В. П., Эриашвили Н. Д.* Правовая жизнь, ее содержание и формы // *Методологические и мировоззренческие проблемы современной юридической теории.* М., 2011. С. 76.

стем, что, бесспорно, относится и к юридической сфере.

Говоря о сложном составе категории правовой жизни общества, К. В. Шундилов подчеркивает, что «постановка вопроса о соотношении понятий «правовая система» и «правовая жизнь» по объему представляется малоперспективной»²⁶. Сам же на последующих страницах пытается раскрыть структуру понятия «правовая жизнь» и в определенной степени продемонстрировать его объем (глава 5 названной монографии). К тому же если правовая система, по мнению К. В. Шундилова, выступает просто системой, то правовая жизнь общества – это уже макросистема²⁷. Отсюда автор попадает в противоречивую ситуацию. С одной стороны, не призывая сравнивать их по структуре и объему, а с другой – по-разному квалифицируя их статус: соответственно система и макросистема, подтверждая тем самым, что понятие «правовая жизнь» более широкое, чем понятие «правовая система».

В рамках категории «правовая жизнь» (как более масштабной) можно основательнее изучать и категорию «правовая система», которая зависит от первой, изменяется под ее влиянием. Правовая жизнь содержит источники (истоки) развития не только права, но и всех иных правовых явлений (включая правовую систему).

---

²⁶ Шундилов К. В. Синергетический подход в правоведении. Проблемы методологии и опыт теоретического применения: монография. М., 2013. С. 117.

²⁷ См.: Там же. С. 127.

Правовая же система в свою очередь в большей степени нацелена на упорядочение юридической жизни общества, выступает по отношению к последней как организующий фактор. Правовая система, обоснованно отмечают в литературе, «это совокупность взаимосвязанных правовых средств, необходимых и достаточных для правового регулирования поведения»²⁸, «есть определенная правовая организация данного общества»²⁹, «будучи стороной правовой жизни, она предстает как внутренне организованная, динамичная целостность, состоящая из процессов и действий, ведущих к образованию и совершенствованию правовых явлений и взаимосвязей между ними»³⁰.

К тому же далеко не все исследователи оценивают понятие правовой системы, как предельно широкое. В этой связи Л. С. Явич правильно отмечал, что «было бы неверно включать в это понятие все без исключения юридические категории, всю правовую действительность»³¹. На это претендует категория «правовая жизнь», охватывающая собой всю сферу, сопряженную с правом, как соответствующие ему сегменты (правомерные), так и несоответствующие (противоправные), как входящие в правовую систему, так и не вхо-

---

²⁸ Протасов В. Н., Протасова Н. В. Лекции по общей теории права и теории государства. М., 2010. С. 483.

²⁹ Червоношук В. И. Теория государства и права. М., 2006. С. 597.

³⁰ Кухарук Т. В. Некоторые теоретико-методологические вопросы исследования понятия правовой системы общества // Правоведение. 1998. № 2. С. 50.

³¹ Явич Л. С. Сущность права. Л., 1985. С. 41.

дящие в нее (например, преступность), как упорядоченные, так и неупорядоченные и т. п. Справедливо подчеркивается Ю. Ю. Ветютневым, что «сама необходимость введения в научный оборот этого понятия была связана с тем, что правовая жизнь (в отличие от правовой системы) включает в себя не только официальные, легально признанные явления, но и различного рода отступления, отклонения от юридически установленных образцов»³².

В литературе, на наш взгляд, раздаются не совсем корректные призывы. Так, В. В. Сорокин указывает, что «зачастую, вместо того чтобы уделить серьезное внимание понятию «правовая система», авторы стремятся предложить взамен совершенно новые термины – «правовую жизнь», «правовое поле» и др.»³³.

Во-первых, почему вместо исследования одних явлений приглашают к исследованию других; во-вторых, почему нужно «уделять серьезное внимание» только понятию правовой системы из данного призыва, так и не понятно; в-третьих, понятие правовой жизни предлагается вовсе не взамен понятия правовой системы, а наряду и вместе с ней, ибо это разные категории, отражающие соответственно и разные уровни юридического бытия.

---

³² Ветютнев Ю. Ю. «Свет» и «ть» правовой жизни // Актуальные проблемы правовой политики и правовой жизни современной России: сборник статей. Тамбов, 2008. С. 51.

³³ Сорокин В. В. Правовая система переходного периода: теоретические проблемы. М., 2003. С. 27.

Сам В. В. Сорокин в той же книге, но на другой странице, пишет об этом, противореча собственному предыдущему высказыванию: «По отношению к правовой жизни правовая система выполняет организующую роль. С точки зрения внутренней организации правовой жизни, заметим, что ее нельзя причислять к разряду систем, ибо она включает и не упорядоченные явления и процессы, а также компоненты, лишенные взаимных системных связей. Понятие правовой жизни позволяет охватить конгломерат правовых проявлений в несистемном виде. Термин «правовая жизнь» имеет право на существование как наиболее широкая общетеоретическая категория, обнимающая собой всю сферу бытия права»³⁴.

Во вступительной статье к книге Ж. Карбонье «Юридическая социология» В. А. Туманов точно подметил нюансы отличия правовой системы от правовой жизни общества. В частности, он писал: «Ж. Карбонье посвящает правовой системе целый подраздел главы второй. Хотя автор исходит из верной посылки о том, что для социологии права правовая система – это не что иное, чем аналогичное понятие в теории позитивного права или в сравнительном правоведении, тем не менее его социологическая система права предстает как весьма расплывчатое образование. Перед нами **не столько правовая система, сколько конгломерат явле-**

---

³⁴ Сорокин В. В. Правовая система переходного периода: теоретические проблемы. М., 2003. С. 63–64.

ний правовой жизни общества (выделено мною. – А. М.), их перечисление без уяснения системообразующих факторов и необходимых внутренних связей, которые и делают систему целостным единством»³⁵.

Об этом практически пишут и Н. Н. Вопленко, и В. А. Рудковский, когда подчеркивают, что «понятие правовой системы охватывает круг явлений правовой жизни общества, которые находятся между собой в состоянии определенной системной связанности как элементы единой национальной системы, существующей на основе принципов целостности и упорядоченности. Здесь нет места для случайных и непредсказуемых явлений. По общему правилу правовая система – гармоничный продукт внутренних закономерностей общественного развития, что и определяет ее понятийную ценность. Однако сводить всю реальную практику правового бытия к системно-структурной упорядоченности вряд ли оправданно. Поэтому понятие «правовая жизнь общества» перекрывает своим объемом и качественной характеристикой мир правовых явлений, как системно взаимосвязанных, так и находящихся в состоянии хаоса, неупорядоченности, случайности и т. д. Системность и суммативность в равной мере присущи данному понятию. И это, думается, оправдывает существующую дискуссию о его содержании и

---

³⁵ *Туманов В. А.* Вступительная статья к книге Ж. Карбонье «Юридическая социология». Благовещенск, 1998. С. 14.

категориальном статусе»³⁶.

Что же касается структуры категории правовой системы, то нацеленность ее разработчиков на то, чтобы данная система включала в себя «всю совокупность юридических явлений общества»³⁷, была преждевременной, отражала определенный первоначальный этап в исследовании рассматриваемого явления. Но потом, как это обычно и бывает, приходит более четкое понимание и все встает на свои места.

Следует отметить тот факт, что до конца 90-х годов XX столетия под правовой системой понимали в основном упорядоченную совокупность лишь позитивных юридических явлений. О негативных (но не противоправных) элементах стали писать относительно недавно и то во многом «под давлением» вводимой категории «правовая жизнь», которая как раз и содержит негативные (в том числе и противоправные) начала, как свою неизбежную составную часть.

Более того, специалисты, исследующие правовую систему, негативным ее моментам практически не уделяют должного внимание, считая, что достаточно говорить лишь о некоторых, «которые неотъемлемо характеризуют элемент правовой системы как необходимую, функциональную единицу системы и составляют ее непосредственное содержание. К негативным явлениям... можно отнести пробельность

---

³⁶ *Вопленко Н. Н., Рудковский В. А.* Указ. соч. С. 250–251.

³⁷ *Матузов Н. И.* Правовая система развитого социализма // Советское государство и право. 1983. № 1. С. 18.

права, правовой нигилизм, множественность и противоречивость источников права и т. д.». Другие же «негативные правовые явления (правонарушения и т. п.) на роль необходимых, функциональных единиц правовой системы явно не подходят»³⁸.

Итак, понятие правовой системы включать все юридические явления не в состоянии, оно явно не справляется с этой задачей, и не способно без ущерба «для себя» содержать названный объем элементов. Отсюда «зависает в воздухе» и следующий тезис. «Довод, – отмечает Н. И. Матузов, – согласно которому правовая система якобы оставляет за своими рамками негативные процессы и поэтому нужна более широкая категория, которая отражала бы не только положительное, но и отрицательное начало, также несостоятелен, поскольку и правовая система воспринимается наукой, общественным мнением, гражданами, другими субъектами не иначе как со всеми ее недостатками и изъянами, плюсами и минусами, «положительными и отрицательными началами», а вовсе не в рафинированном виде»³⁹.

Поэтому и нужна более широкая категория, вбирающая в себя не только отдельные «избранные» недостатки и изъяны, а всю юридическую тотальность, поделенную на два противоположных сегмента: позитивную, правомерную («световую») и негативную, противоправную, в том числе и пре-

---

³⁸ *Сорокин В. В.* Указ. соч. С. 31, 30.

³⁹ *Матузов Н. И.* Правовая жизнь как объект научного исследования. С. 22–23.

ступную («теневую»), выступающими в качестве своеобразных антиподов. Иначе полноценный анализ юридической жизни общества провести не удастся. Требуется «выход» именно на предельно крупные и одновременно отрицающие друг друга подразделения нашей юридической действительности, чтобы показать их масштабное взаимодействие, «взаимопереходы» и «переливы» друг в друга (например, легализацию и делегализацию, криминализацию и декриминализацию и т. д.).

Как известно, согласно диалектике, чтобы «анализ позволил выявить природу самого объекта, надо доводить его расчленение до обнаружения не только различных, но и противоположных компонентов... Дело в том, что противоположность есть крайняя степень различия, поэтому только различие, доведенное до противоположности, является законченным (завершенным). При этом особый интерес представляет выявление таких противоположностей, которые противоречат друг другу и потому исключают всякое (существующее наряду с ними) третье. Таким образом, только «расщепление» объекта на противоположности обеспечивает наибольшую полноту и глубину анализа»⁴⁰.

Другими словами, позитивная и негативная части правовой жизни общества – это два явления, которые не могут быть поняты одно без другого, ибо каждое из них предпола-

---

⁴⁰ Материалистическая диалектика / отв. ред. Ф. Ф. Вяккерев (в пяти томах). Т. 1. М., 1981. С. 24.

гает противоположное. Основательно проанализировать позитивную (правомерную) жизнь возможно лишь на фоне негативной (противоправной) жизни и в рамках общего понятия «правовая жизнь». Правильно отмечается в литературе, что «исследование нормального состояния любой системы не может быть ограничено ее рамками, выведено только из нее самой, вне связи с системами более высокого порядка. Сущность аномалий организма не может быть выявлена без рассмотрения той функции, которую они играют в развитии вида в целом, т. е. без обращения к более широкой системе связей, в которую эти образования включены как элементы и относятся как часть к целому»⁴¹.

К тому же позитивные («свет») и негативные («тьма») составляющие правовой жизни можно рассматривать как парные юридические категории, ибо они:

1) выражают некое юридическое целое, выступая двумя противоположностями соответственно со знаками «плюс» и «минус»;

2) диалектически связаны между собой (изменения в одной составляющей правовой жизни ведет к изменениям в другой), что проявляется в специфических «взаимопереливах», «взаимопереходах» позитивных сегментов в негативные и наоборот;

3) выступают двумя обобщающими компонентами, вбирающими в себя разнополярные, но относящиеся к праву,

---

⁴¹ Там же. С. 287.

явления;

4) олицетворяют собой соответственно позитивную (правомерную, «световую») и негативную (противоправную, «теневую») реальность;

5) обозначают в своей совокупности все юридические явления и процессы, всю юридическую тотальность.

Разумеется, правовая жизнь общества – междисциплинарное понятие, заимствованное из других наук. Однако это относится ко многим иным понятиям, ныне «прописавшимся» в юриспруденции.

В. В. Сорокин высказывает определенное беспокойство сложившейся ситуацией в современной юридической науке. В частности, он пишет, что «к настоящему моменту аналитические разработки в праве перешагнули через имеющиеся теории, и накопленный теоретический материал в них уже не укладывается. Однако вводимые в теорию права понятия не должны приводить к игнорированию или недооценке ее собственного категориального аппарата, «растворять» его в юридических понятиях, заимствованных из иных отраслей знаний»⁴².

Применительно к категории «правовая жизнь общества» такое беспокойство можно было бы разделить, если бы не ряд обстоятельств.

Во-первых, то, что «к настоящему моменту аналитические разработки в праве перешагнули через имеющиеся тео-

---

⁴² Сорокин В. В. Указ. соч. С. 27.

рии, и накопленный теоретический материал в них уже не укладывается», отражает обычный ход развития любой науки, ее постоянные качественные изменения. Это позитивное свидетельство ее дальнейшего движения вперед, к освоению новых более сложных объектов. Именно поэтому и возникает потребность в категориях более широкого плана, способных охватить данные новые аналитические разработки, «перешагнувшие через имеющиеся теории и накопленный теоретический материал». И такой категорией по отношению к категории правовой системы выступает правовая жизнь. Она вполне может преодолеть те трудности, которые возникли у категории правовой системы, связанные с охватом всей тотальности юридических явлений.

Во-вторых, правовая жизнь, как вводимое в теорию права понятие, вовсе не приводит «к игнорированию или недооценке» имеющегося категориального аппарата, например правовой системы. Наоборот, с помощью категории правовой жизни можно попытаться очертить более точные границы понятия правовой системы (которые необоснованно стали расширяться), более четко определить функции последней применительно к той же правовой жизни (правовая система призвана поддерживать в ней определенный порядок, организовывать ее).

В-третьих, само понятие правовой системы не выступает ярким представителем «собственного категориального аппарата» теории права, оно тоже, как известно, заимствовано из

общей теории систем и других гуманитарных наук (прежде всего социологии, политологии, философии). Только заимствована чуть раньше, ибо раньше в ней и возникла потребность. Однако временной параметр здесь не может выступать главным. Поэтому «растворять» понятие правовой системы не приходится; она изначально «растворена» в «иных отраслях знаний»⁴³.

Следовательно, основательное исследование правовой жизни общества – следующий важнейший этап в развитии юридической науки (и прежде всего теории права), в рамках которого требуется анализировать не только право и правовую систему, но и все юридические явления вместе взятые, не только позитивные (правомерные), но и негативные (противоправные) их составляющие, не только с формально-юридических, но и с общекультурных позиций (с точки зрения экономической, политической, нравственной и иной жизнедеятельности). Это соответственно требует и привлечения соответствующего методологического ресурса, позволившего «выйти» на решение подобной весьма непростой научной задачи.

Верно отмечается в литературе, что «в понятии «правовая жизнь общества» отражается неразрывная связь правовых явлений со всеми другими сферами общества»⁴⁴, что

---

⁴³ *Сорокин В. В.* Указ. соч. С. 27.

⁴⁴ *Бельский К. Т.* Формирование и развитие социалистического правосознания. М., 1982. С. 30.

введение категории «правовая жизнь» «отражает тенденцию развития отечественной правовой мысли в направлении все большего расширения границ правовой действительности», что «правовая мысль достигла в своем развитии такой точки (стадии, ступени и т. д.), когда требуется включение в поле зрения исследователя общекультурных факторов»⁴⁵, что «сегодня мы находимся на таком этапе, когда можно и нужно отнестись к имеющимся фактам отечественной правовой жизни с несколько иных, непривычных позиций: не с чисто формально-юридических, социологических, психологических, кибернетических или абстрактно-общечеловеческих, а через призму национально-исторической и культурно-типологической природы отечественного правового мира в интересах познания его конкретной целостности и системности. Далеко не случайно, что именно в пореформенный период в отечественной юридической науке стала разрабатываться категория «правовая жизнь» как попытка взглянуть на российские правовые явления с новых социально-культурных и догматических позиций. Категория «правовая система» в большей мере обозначает иной – синергетический и сравнительно-правовой аспекты исследования национальных правовых явлений»⁴⁶.

Таким образом, можно сделать из всего сказанного опре-

---

⁴⁵ Право и культура / отв. ред. Н. С. Соколова. М., 2002. С. 66.

⁴⁶ *Синюков В. Н.* Российская правовая система. Введение в общую теорию: монография. 2-е изд. М., 2010. С. 18.

деленные выводы.

Категория «правовая жизнь» приобретает все бо́льшую научную и практическую значимость, потенциал которой заключается в следующем:

- выступая разновидностью (формой) социальной жизни, призвана олицетворять ее проявление в юридической сфере;
- создает условия для полноценного соотношения с экономической, политической, нравственной и иной жизнью, выступая наряду с ними однопорядковой, одноуровневой категорией;
- содействует исследованию юридической сферы в большей степени с точки зрения общекультурных, общесоциальных факторов;
- охватывает все правовые явления, причем как позитивные, так и негативные, выражая своего рода юридическую тотальность;
- позволяет в свою очередь анализировать позитивную (правомерную) и негативную (противоправную, теневую) составляющие тоже как соответствующие позитивные (правомерные) и негативные (противоправные) всеобщности (тотальности), которые должны исследоваться комплексно, системно, как взаимосвязанные сегменты, как две противоположности одного целого – правовой жизни;
- способствует их рассмотрению во взаимодействии, взаимопереходах позитивной части правовой жизни в негативную (например, процессы криминализации, делегализации)

и, наоборот, негативной части в позитивную (декриминализации, амнистии);

- отражает диалектику юридического бытия, базирующуюся на противоречиях (противоборстве, борьбе) позитивной (правомерной) и негативной (противоправной) составляющих ее начал;

- содержит в себе как организующие (регулирующие), так и самоорганизующие (саморегулирующие) начала, позволяющие правовой жизни нормально развиваться;

- выступает в качестве своеобразной внешней («питательной») среды для правовой системы общества (подобно тому, как экономическая, политическая и нравственная жизнь выступает такой же средой соответственно для экономической, политической и нравственной систем);

- ориентирует на познание не только статической, но и преимущественно функциональной, динамичной составляющей юридического бытия общества;

- показывает не только юридическую действительность (реальность), но и исторические аспекты юридического бытия общества, как настоящее, так и прошлое, своего рода генезис, историю его становления и развития.

Категория «правовая жизнь общества», будучи предельно широкой, позволяет к тому же, во-первых, в определенной степени установить (а в ряде случаев уточнить) границы иных категорий, так или иначе в нее входящих; во-вторых, «ранжировать» (приводить в порядок) данные входящие в

нее категории; в-третьих, увидеть то, как они связаны между собой и с самой категорией «правовая жизнь общества».

В условиях глобализации, как ни парадоксально, в тщательном изучении нуждаются культурно-исторические аспекты отечественной правовой жизни, что требует нового методологического инструментария. Задача современной отечественной методологии – найти такое измерение права, которое не разрывало бы целостности этого юридического феномена с духовным строем России, ее уникальным культурным миром. В этой связи В. Н. Синюков и Т. В. Синюкова подчеркивают, что «категория «правовая жизнь», введенная А. В. Малько, вполне может выполнить роль методологического понятия права при условии проведения специфической правовой конструктивизации уже известных правовых объектов. Эта теоретическая задача весьма сложная»⁴⁷.

В условиях дальнейшего усложнения социальных связей правовое развитие общества все «настойчивее» требует интегрального, прежде всего общетеоретического, анализа правовой жизни как различных стран, так и отдельных регионов.

---

⁴⁷ Синюков В. Н., Синюкова Т. В. К обновлению методологии юридической науки // Современные методы исследования в правоведении / под ред. Н. И. Матузова и А. В. Малько. Саратов, 2007. С. 38.

2. Правовая политика, правовая жизнь и проблема уяснения правового и неправового в поведении социальных субъектов (В. А. Затонский)

Характерной чертой развития отечественной юридической науки в XXI веке выступает активное формирование категорий, позволяющих глубже осмыслить многогранную реальность, связанную прежде всего с необходимостью повышения статуса права как важнейшей социальной, культурной и моральной ценности, созданием благоприятной юридической среды для свободной и активной деятельности всех государственных и общественных структур, должностных лиц, рядовых граждан. Все более прочное место в современном теоретико-правовом категориальном аппарате занимают понятия «правовая политика» и «правовая жизнь».

Правовая политика – это деятельность органов государства и институтов гражданского общества по выработке стратегии и тактики правового регулирования, созданию эффективного механизма правового регулирования, по эффективному использованию юридических средств в интересах достижения таких целей, как наиболее полное обеспечение

прав и свобод человека и гражданина, формирование правовой государственности, высокого уровня правовой культуры и правовой жизни общества и личности⁴⁸. Правовая жизнь, таким образом, является объектом правовой политики, представляет собой одновременно истоки и сферу проявления такой политики⁴⁹.

Правовая жизнь есть совокупность самых разнообразных видов и форм деятельности людей и их объединений в сфере действия права. Характер такого поведения, его направленность могут рассматриваться в качестве критерия наилучшего состояния правовой жизни общества.

Качественное состояние правовой жизни – это совокупность признаков, характеристик, показывающих степень развитости процессов, связанных с использованием права для решения насущных проблем общественного развития: формированием правового государства, гражданского общества, повышением уровня правовой культуры и т. д. Категория «качественное состояние правовой жизни» выражает прежде всего подвижность правовой жизни, «нестояние» на месте, развитие. Преобразование общества, совершенствование его правовой жизни – основная, глобальная цель свободных индивидов. Поэтому именно через правовое поведение личности можно анализировать качественное состояние правовой жизни.

---

⁴⁸ См.: Малько А. В. Теория правовой политики: монография. М., 2012. С. 42.

⁴⁹ Там же. С. 47.

Поведение людей как членов гражданского общества, основанное на их сознании, является одним из важнейших элементов социальной жизни. Реальное, живое сознание и поведение – самые богатые по своим проявлениям общественные процессы. Фактически они отражают на эмпирическом уровне состояние общественного сознания и общественной деятельности в целом во всем его многообразии, противоречивости, случайности и необходимости. Именно они выступают чутким показателем состояния и хода развития и функционирования общественных процессов. Поэтому их исследование представляет важный инструмент для принятия научно обоснованных решений во всех без исключения сферах общественной жизни.

Правовая активность личности – одна из важнейших составных частей (видов) социальной активности, включающая в себя все многообразие ее проявлений. Это интенсивная деятельность личности в сфере права, одна из форм юридического (юридически значимого) бытия личности, специфическая форма жизнедеятельности, которая неизбежно включает и теневой, негативный сектор. Правовая активность (во всех возможных проявлениях) – это способ правового бытия личности, характеристика качественного состояния (критерий) правовой жизни.

Правовая жизнь – это не абсолютно, а лишь относительно отдельная, обособленная от других видов жизни общества сфера. Иначе говоря, правовая жизнь испытывает влияние

экономики, политики, культуры, оказывая на них регулирующее, упорядочивающее воздействие. Более того, правовая жизнь – во все проникающее явление. Поэтому мы можем говорить о правовой жизни общества в различных сферах – экономической, политической, социальной, экологической, трудовой и т. д.

То же умозаключение относится и к правовой активности личности. Ее разновидностями выступает правовая активность в области экономики, политики, культуры и др. Там, где личность осуществляет свою социальную роль, она, как правило, и выстраивает свою правовую активность. Правовая активность является одной из важнейших характеристик человека в юридической сфере. В большинстве случаев такое поведение направлено на достижение законной цели законным способом. Но в реальной правовой жизни имеются многочисленные случаи правовой активности в направлении, которое пролегает рядом с официальными способами поведения человека в обществе или не совпадает с официально признанным и допустимым.

Правовая жизнь – единственная категория, которая позволяет охватить всю сферу бытия права со всеми позитивными и негативными его проявлениями. Главным предназначением правовой политики является расширение легальной, позитивной части правовой жизни и правовой активности и сокращение теневой, негативной. Она должна содержать в себе четкую стратегию и тактику, рассчитанную на развитие

позитивной юридической жизни, цели и средства ее реализации.

Создавая с помощью правовых стимулов благоприятные юридические условия для реализации интереса личности как главного источника ее правовой активности, государство создает больше шансов для повышения позитивной активности, так как поведение в данном случае направляется на удовлетворение самых насущных интересов. И, наоборот, формируя через систему правовых ограничений неблагоприятные юридические условия, государство суживает возможности для удовлетворения интересов деструктивных, противозаконных, антиобщественных. Призвание правовых ограничений прежде всего заключается в том, чтобы сдерживать негативную активность, доводить ее до уровня пассивности и на этой основе своими силами создавать условия для повышения активности позитивной. Призвание же правового стимулирования состоит в том, чтобы повысить общественно полезную активность, «увлечь» от пассивности и тем более от активности негативной⁵⁰.

Негативная правовая активность – это осознанная, умышленная деятельность, форма юридического бытия индивидов и их групп, которые действуют, не считаясь с общеобязательными правилами поведения, и стремятся достичь

---

⁵⁰ См.: Малько А. В. Стимулы и ограничения в праве: теоретико-информационный аспект: монография. Saarbrücken: LAPLAMBERT Academic Publishing, 2011. С. 124–129, 155–165.

любой ценой целей, противоречащих общественным и государственным целям.

Уровень негативно-правовой активности (в сравнении с уровнем активности позитивной) – это показатель, измеритель качественного состояния правовой жизни, эффективности проводимой государством правовой политики. Не следует думать, что такая активность включает только различного рода правонарушения. Сюда входят и такие отношения, которые на данный момент времени остаются не урегулированными правом, хотя нуждаются в этом. Речь идет о лоббизме, выдаче зарплаты «в конвертах» и т. п., которые в различных странах решаются по-разному. К примеру, лоббистская деятельность в ряде стран узаконена, т. е. является легальной. Думается, что предлагаемое учеными-юристами принятие и в России закона о регулировании лоббистской деятельности позволит перевести эту деятельность в позитивное правовое поле, сделать ее тем самым формой позитивной правовой активности части российских граждан.

Негативная часть правовой жизни и правовой активности в полной мере неистребима. *Негативная активность части граждан – это явление социальное*⁵¹, обусловленное наличием

---

⁵¹ См.: Долгова А. И. Преступность и общество. М., 1992; Карпец И. И. Преступность: иллюзии и реальность. М., 1992; Ли Д. А. Преступность как социальное явление. М., 1997; Сидоров В. В. Социальные противоречия и преступность. Саратов, 1989; Виг И. Соотношение прав и обязанностей человека и проблемы преступности // Государство и право. 1995. № 7. С. 44–49; Чукмаитов Д. С. Организованная преступность как фактор, дестабилизирующий институты

ем у них негативной правовой установки. В формировании такой установки решающую роль играет не биологическая природа человека, а природа и содержание общественных отношений и противоречий. Это бесспорно доказано специалистами-криминологами в отношении преступности, которая является одним из главных проявлений негативной активности в правовой жизни общества.

Негативная активность, в том числе преступность, – явление правовое. Данная позиция имеет принципиальный характер. Большая часть негативных проявлений в форме активных действий направлена против права и происходит в правовом поле, а не вне его. В этой связи трудно согласиться с некоторыми учеными, которые пытаются вводить в научный оборот новые термины: «юридическое поле» и «фактическое поле»; «предправо»; «псевдоправо», к которому относят «теневое право», «антиправо»; «неправовой произвол», т. е. преступления; «параправо»; «неправо», т. е. «то, что не есть право»⁵² и др.

В научной литературе существует позиция, согласно которой вне правового поля «простирается другая, неправовая жизнь, в том числе противоправная». На основании этого Н.

гражданского общества // Право и государство. 2013. № 2. С. 78–80; Сессар К. Воззрения на преступность и изменение общества // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2013. № 28. С. 32–36; Паршин И. С. Причины и условия коррупционной преступности // Российский следователь. 2014. № 1. С. 36–40.

⁵² См., напр.: Самигуллин В. К. Право и неправо // Государство и право. 2002. № 3. С. 5–8.

И. Матузов приходит к выводу, что «криминальную жизнь (бандитскую, воровскую) нельзя назвать правовой жизнью в обычном, позитивном ее понимании. Это – не правовая жизнь, а *антиправовая*, как правило, уголовно наказуемая, общественно осуждаемая. Правовая система призвана противодействовать такой «жизни», вести с ней борьбу»⁵³. При этом он признает, как очевидное, что правовая жизнь «состоит не из одних светлых начал, она включает в себя и негативные стороны». Но в то же время Н. И. Матузов считает необходимым различать «простой негатив, в частности морального свойства» и «преступную деятельность, преступный мир, живущий по своим законам – «законам джунглей» или «по понятиям». Исходя из этих рассуждений он заключает: «Правовая жизнь потому и называется правовой, что она основана на праве, законах, юридических нормах. ... И было бы, на наш взгляд, ошибкой считать такой образ жизни *правовым, нормальным, цивилизованным*»⁵⁴. В приведенных рассуждениях есть верные положения. Вместе с тем имеются, на наш взгляд, дискуссионные моменты, позиции не бесспорные, вызывающие ряд возражений.

Н. И. Матузов справедливо отметил, сославшись на Ж. – Л. Бержеля и А. К. Романова, что в решении вопроса о по-

---

⁵³ Матузов Н. И. Актуальные проблемы теории права. Саратов, 2003. С. 112.

⁵⁴ Там же. С. 113. Подробнее см.: Матузов Н. И. «Правовая система» и «правовая жизнь»: теоретико-методологический аспект // Ленинградский юридический журнал. 2004. № 1. С. 15–19. См. также: Бабаев В. К., Баранов В. М. Общая теория права: краткая энциклопедия. Нижний Новгород, 1998. С. 21.

нятии и сущности права, правовой системы, правовой деятельности принципиально важна уверенность в определении границ собственно права и правил другой природы, действующих в обществе, что необходимо четко знать, где кончается правовое поле и начинается неюридическое пространство⁵⁵.

Добавить, что указанное обстоятельство принципиально важно знать для адекватного восприятия правовой жизни как научной категории, а также правовой активности как ее формы (способа) и критерия качества. Иными словами, необходимо уяснить, что означает категория «неправо», выяснить, что при этом следует иметь в виду – «негативное право» (негативное, но право)⁵⁶ или «то, что не есть право»⁵⁷.

Известно, что категорию «неправо» активно использовал Г. В. Ф. Гегель в своем фундаментальном труде «Философия права». Этим понятием он обозначал особенную волю, демонстрирующую произвол и отдельность индивида от всеобщей воли и всеобщего права, под которым он понимал естественное право. При этом сразу же отметим, что, согласно философско-правовому учению Гегеля, право и неправо есть категории одного порядка – юридического. Неправо – это тоже право, только негативное. Такой вывод вытекает из

---

⁵⁵ См.: Матузов Н. И. Актуальные проблемы теории права. С. 103; Бергсель Ж. – Л. Общая теория права / пер. с франц. М., 2000. С. 36; Романов А. К. Правовая система Англии. М., 2000.

⁵⁶ См.: Бачинин В. А. Неправо (негативное право) как категория и социальная реалья // Государство и право. 2001. № 5.

⁵⁷ См.: Самигуллин В. К. Право и неправо // Государство и право. 2002. № 3.

следующих гегелевских позиций о формах неправда.

1. *Непреднамеренное неправо (простодушное)*. Гегель рассматривает его как явление правовое, указывая при этом, что оно имеет место среди субъектов с наивным, неразвитым правосознанием, не улавливающих разницы между правом и его нарушением. Воля таких субъектов полностью зависима от своих частных интересов. Свои личные желания, волевые стремления они считают правом. Из этого возникают усилия и действия (иногда самые разрушительные и кровавые), но за них им, по их же собственным убеждениям, не полагается наказаний, ибо они в своем ослеплении считают, что не хотят ничего из того, что противоречит праву. Подобные ситуации Гегель называет *правовыми коллизиями*⁵⁸.

2. *Обман*. Это, согласно учению Гегеля, ситуация, при которой одни субъекты создают видимость права для других. Настоящее право представляется как субъективное и только кажущееся. Обманываемый ставится в такие условия, при которых он верит, что с ним поступают в соответствии с правом, хотя на самом деле это не так. При этом субъекты способны с уважением относиться к требованиям стоящей над ними властвующей воли, но пренебрегают императивами всеобщего, естественного права. Гегель заключает, что «за гражданское и непреднамеренное неправо не полагается наказания, ибо я здесь не хотел ничего противоречащего праву. Напротив, обман влечет за собой наказание, ибо

---

⁵⁸ См.: Гегель Г. В. Ф. *Философия права*. М., 1990. С. 139.

здесь речь идет о нарушении права»⁵⁹. И здесь, таким образом, речь идет о явлениях правовых, поскольку правонарушение – явление правовое⁶⁰.

3. *Принуждение и преступление.* Гегель пишет, что «подлинное неправое представляет собой преступление, в котором не уважаются ни право в себе, ни право, каким оно мне кажется, в котором, следовательно, нарушены обе стороны: объективная и субъективная»⁶¹. Но при этом преступление не перестает быть правовым явлением, в котором «именно право как абсолютное не может быть снято, следовательно, проявление преступления ничтожно в себе, и эта ничтожность есть сущность преступного действия». И далее: «Действительное право есть снятие этого нарушения (преступления. – В. З.), именно этим снятием (наказанием преступника. – В. З.) право показывает свою действительность и утверждает себя как необходимое опосредованное наличное бытие»⁶².

Исходя из рассмотренных позиций попытаемся прояснить, где начинается правовое пространство и где оно заканчивается.

Все правовое начинается там и тогда, где и когда появляется право как система общеобязательных, формально-опре-

---

⁵⁹ Там же. С. 141.

⁶⁰ См.: Байтин М. И. Сущность права. Саратов, 2001. С. 171.

⁶¹ Гегель Г. В. Ф. Философия права. С. 141.

⁶² Там же. С. 145.

деленных норм, как властно-официальный регулятор общественных отношений, как мера юридической свободы, как определитель правомерного и неправомерного, законного и незаконного поведения. Отсюда выходит, что юридическое пространство – это вся сфера бытия права и всех субъектов, живущих, действующих в ней, со всеми позитивными (правомерными, законными) и негативными (неправомерными, противозаконными, но, по сути, тоже правовыми) его (права) проявлениями. И те, и другие проявления различаются по природе и направленности, как, например, правомерное и противоправное поведение. Однако по своему характеру они правовые и выступают составными частями юридической среды, являются сегментами правового поля.

На это обстоятельство указывает В. Н. Кудрявцев, отмечая, что «основное различие в рамках правового поведения – это различие между поведением правомерным и неправомерным, противоправным». «...» «Так как правовое поведение имеет две полярные разновидности, то и сама ответственность складывается из двух аспектов: позитивного и негативного»⁶³.

Как представляется, в приведенной позиции противоправное поведение не случайно названо правовым (но не правомерным). Здесь ярко выражена сущность права как регулятора поведения людей, как определителя правового ха-

---

⁶³ Кудрявцев В. Н. Правовое поведение: норма и патология. М., 1982. С. 3, 231–232.

рактера их деятельности. Здесь четко проводится различие между правом как таковым и юридическим бытием (жизнью права и правовой жизнью людей, всех социальных субъектов, общества в целом), статической и динамической стороной права, правом как статическим механизмом и правом как механизмом действующим, работающим, обеспечивающим функционирование различных сфер жизнедеятельности общества. А последняя неизбежно включает (и даже зачастую порождает) различные негативные проявления⁶⁴.

Если признать, что правовое поле заканчивается там, где «простирается другая, неправовая жизнь, в том числе противоправная» (Н. И. Матузов), где начинаются нарушения, криминал, общественно осуждаемая деятельность и т. п., то возникает повод задуматься: а каково основное, главное социальное предназначение права, зачем нужны нормы права, законы и все иные правовые акты, в чем их социальный, юридический смысл, общественная ценность? Разве только в том, чтобы регулировать одобряемые обществом отношения? Очевидно, что это не так. Право порождает, создает такие отношения? Тоже нет. Право определяет, устанавливает, фиксирует, какие отношения в обществе полезны, допустимы, терпимы, желательны (и стимулирует их развитие), а какие нежелательны, вредны, опасны, недопустимы (и ограничивает их, борется с ними, способствует устранению их из социальной жизни в целом и правовой в частности). Исходя

---

⁶⁴ См. подробнее: *Малько А. В.* Теория правовой политики. С. 53–56.

из этих рассуждений приходим к выводу о том, что есть из человеческих отношений правовое, что – неправоное (негативно-правовое), а что – внеправовое.

Правовое – это все то в обществе, что не безразлично праву. В это поле, пространство включены: а) позитивные процессы и отношения; б) негативные проявления, не безразличные праву, фиксируемые им в качестве отрицательных, общественно вредных или опасных; они тоже правовые, но со знаком минус; этот блок правовых явлений можно называть неправовым («действуя так, ты не прав, поскольку эти действия запрещены правом, которое не оставит тебя в покое, пока ты будешь так действовать, либо подвергнет тебя наказанию»), а лучше и понятнее – *негативно-правовым*. Те же явления в обществе, которые не имеют отношения к праву, безразличны ему, – *внеправовые*, поскольку не включены в сферу права, существуют и развиваются вне правового (регулируемого правом) пространства.

Исходя из изложенных выводов следует отметить, что главное теоретико-методологическое препятствие на пути адекватного реалиям понимания сущности и структуры правовой жизни – идентификация правового с правильным, одобряемым. Такая позиция традиционна для российского правоведения, да и в мире она довольно распространена. Преодолеть ее трудно еще и потому, что эта тенденция не новая, она имеет исторические философско-правовые традиции.

А. Кауфман писал, что «право – это не то, что содержится в нормах, не абстрактная схема для правильного действия, оно само является правильным действием и правильным решением в конкретной ситуации»⁶⁵. Поэтому, – пишет С. И. Максимов, – наиболее конкретной (развитой) формой бытия права являются правильные действия и решения в конкретной ситуации самого субъекта. В них смысл права и предметная форма воплощения даны в единстве»⁶⁶. При этом он ссылается на Ф. Аквинского, который отмечал, что в своей сущности право означает прежде всего «собственно справедливое дело»⁶⁷. И далее он пишет о «каждом правовом решении» как о «правильном, истинном»⁶⁸.

В принципе в приведенных высказываниях все верно. Право на самом деле есть справедливое дело. Однако думается, что сторонники рассматриваемой позиции имеют в виду лишь одну из сторон правовой реальности – позитивную, так называемую правомерно-положительную ее часть. Но ведь действующее, работающее право включает в свою орбиту не только позитивные общественные явления, но и негативные, противоправные, распространяя и на них свое влияние, свой инструментарий.

---

⁶⁵ Kaufmann A. Rechtsphilosophie im Wandel: Stationeneines Weges. Frankfurt. M., 1972. S. 131. Цит. по: Максимов С. И. Правовая реальность: опыт философского осмысления. Харьков, 2002. С. 184.

⁶⁶ Максимов С. И. Указ. соч. С. 184.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Там же. С. 187.

Категория «правовая жизнь» в этом смысле обладает несомненной спецификой как в юридической науке, так и в повседневной практике, которая формируется правовыми актами, а также обычными участниками различных правоотношений. Уяснить ее содержание невозможно без учета и правильного понимания взаимодействия с государством, правом, правовой политикой. Особое значение при этом имеет изучение наиболее важных аспектов взаимодействия, взаимозависимости правовой жизни и права. Различные подходы к пониманию права являются свидетельством не только его связи с жизнью и деятельностью индивидов, всего общества, но и убеждают в том, что без четкой трактовки сути такого взаимодействия невозможно правильно определить сущность ни права, ни правовой жизни.

Если жизнь сама по себе является категорией социологической, психологической, философской, то правовая жизнь общества в силу своей опосредованности правом – категория уже сугубо правовая, поскольку имеет все свои проявления именно в качестве явлений правовых, т. е. в сфере, полностью охватываемой влиянием юридических норм, предписаний.

Самая главная, изначальная, отправная позиция для правильного понимания сущности правовой жизни состоит в том, что эту сущность нельзя прямо выводить из того или иного определения права. Право и «правовое» (пространство, сфера, жизнь, активность и т. п.) – не одно и то же по

своему смысловому содержанию. Право может быть определено в качестве системы санкционируемых и охраняемых государством норм, выражающих государственную волю общества и направленных на регулирование поведения людей в соответствии с принятыми в данном обществе устоями социально-политической, экономической и духовной жизни (М. Байтин, Н. И. Матузов и др.). Можно трактовать право и как общую волю, являющуюся результатом согласования частных или специфических интересов, выраженную в законе или иным способом признаваемую государством (В. В. Лазарев).

В этих, как и во всех других подходах, сущность и ценность права заключается в его внутреннем, «природном» предназначении служить людям, быть целью и средством для удовлетворения справедливых потребностей и отдельных граждан и общества в целом. Если напрямую, чисто механически соединить такое понимание права (а иным оно и не может быть) с жизнью общества, то, естественно, получится, что правовая жизнь, правовая деятельность (активность) – это всегда правомерное поведение⁶⁹, творческая деятельность, возможная лишь в рамках законности, выражающаяся в готовности к практической деятельности на основе уважительного отношения к праву, внутренней солидар-

---

⁶⁹ См., напр.: *Тепляшин И. В.* Становление российской правовой государственности и правовая активность граждан // Журнал российского права. 2002. № 1. С. 39.

ности с его принципами⁷⁰.

Наши исследования показывают, что такая односторонняя трактовка не вполне объективна и не всегда адекватна реалиям правовой жизни общества, носит несколько ограниченный характер. Причинами, обуславливающими данный односторонний подход к пониманию правовой жизни, на наш взгляд, являются следующие обстоятельства.

1. Ошибочное понимание правовой жизни общества как сферы проявления только правомерной деятельности граждан, отождествление неравнозначных по содержанию понятий при оценке правового характера протекающих в обществе процессов, представление всего правового исключительно как правомерного, общественно полезного, позитивного.

Если понимать «правовое» как пространство, в котором присутствует право, то такая версия верна. Но на самом деле «правовое» – это не просто «вместилище» права, это пространство, в котором право действует, регулирует различные

---

⁷⁰ См.: *Баранов П. П., Русских В. В.* Проблемы теории правосознания и правовой культуры. Ростов н/Д., 1999. С. 43; *Гойман В. И.* Правовая активность работника ОВД и проблемы ее развития (по материалам конкретно-социологического исследования) // Правовые вопросы деятельности ОВД в современных условиях. Ташкент, 1985. С. 85; *Вопленко Н. Н.* Индивидуально-психологические особенности формирования правомерного поведения // Вопросы теории государства и права. Саратов, 1980. С. 126; *Оксамытный В. В.* Правомерное поведение личности. Киев, 1985. С. 130–131; *Казимирчук В. П.* Социалистический образ жизни и социально-правовая активность личности // Социалистическая законность. 1977. № 3. С. 24, и др.

отношения, в числе которых не только правомерные действия, не только поведение, которое удалось сделать правомерным, а и то, которое пока не стало таковым, но его непременно надо ввести в правомерное поле, т. е. поведение неправомерное, но тоже имеющее правовой характер, охватываемое правом. А для этого такую деятельность, такое поведение никак нельзя искусственно выводить из правового пространства, отталкивая тем самым от регулирующего воздействия права.

2. Не вполне адекватное реалиям понимание ценности права, целевой направленности правовых норм, которые будто бы имеют своей целью только позитивное поведение. Это действительно так, если не учитывать того, что огромное количество правовых норм адресовано не тем субъектам, которые действуют правомерно, а тем, которые нарушают закон, совершают преступления. И цель данных норм не в том, чтобы превратить убийцу в активного участника законотворческого процесса, а в том, чтобы он перестал убивать себе подобных и чтобы другие субъекты, склонные к такому поведению, одумались и отказались от общественно опасных намерений. Есть нужные обществу проявления правовой жизни и ненужные, вредные и даже опасные для него.

Правовая активность непосредственно связана, «состыкована» с правами, свободами и законными интересами граждан. Реализуя те или иные права, свободы, конкретные законные интересы и преодолевая препятствия, мешающие их

осуществлению, субъект правоотношений тем самым и проявляет свою правовую активность. Более того, он вынужден это делать, если желает добиться обладания конкретным социальным благом, особенно в тех жизненных ситуациях, когда его право на это оспаривается.

Наиболее эффективно на уровне позитивной правовой активности сказывается ее связь с законными интересами граждан. Если права и свободы устанавливаются государством, их признание, соблюдение и защита – его обязанность, то законные интересы возникают из конкретных жизненных обстоятельств. Само их появление – это уже проявление, показатель наличия у субъекта активной жизненной позиции, выражение общего социального настроения личности, ее отношения к окружающей действительности. Соизмерение, увязка возникающего интереса с правом – также исключительно ценный элемент активного действия, поскольку право не только не мешает, но и мощно содействует продвижению по пути реализации интереса, дает необходимый простор инициативе, личному усмотрению, одобряя и стимулируя общественно полезные действия и пресекая вредные или опасные.

Негативно-правовая активность также непосредственно «стыкуется» с законными интересами, но уже не со своими для действующего субъекта, а с теми, которые имеет другой субъект (субъекты) или общество в целом. Негативная активность всегда направлена против законных интересов дру-

гих граждан, нарушает их, т. е. тоже непосредственно связана с правом, с его ограничительным, правовосстановительным и даже карательным воздействием. Последнее – не менее важное сущностное проявление права, чем создание гарантий осуществления гражданами их прав, свобод и законных интересов. Пресекая действия «негативного индивида», право тем самым всегда защищает, гарантирует реализацию законных интересов тех или иных позитивно действующих субъектов правовой жизни общества.

Принципиально важно понимать, что правовой характер (в смысле юридический) имеют и неправомерные действия, что не менее важной и конкретной формой бытия права является минимизация коррупции, организованной преступности и других преступных проявлений, преодоление злоупотреблений правом. Следует иметь в виду, что и в самом праве имеют место откровенные негативы: неконституционные нормы общефедеральных и региональных законов, указов президентов, постановлений правительств, инструкций, приказов, положений тех или иных министерств, ведомств, государственных комитетов, служб и т. д.; многочисленные противозаконные индивидуальные предписания местных чиновников. Все эти результаты и правомерных, и неправомерных действий «включаются» в правовую реальность.

«Простой негатив», негатив «морального, политического и иного свойства» – *внеправовые* действия, поскольку они

безразличны праву. И правовая жизнь не потому называется правовой, что она содержит только правомерные, законопослушные, соответствующие юридическим нормам явления, а потому, что она включает весь комплекс общественных отношений, процессов, которые не безразличны праву и с этой смыслообразующей позиции урегулированы, подчинены правовым нормам. Но правовым нормам подчинены и действия правопослушных, позитивно действующих, инициативных индивидов, и тех, кто действует иначе, в том числе преступников.

А. И. Демидов в этой связи пишет, что «преступник, бросив вызов обществу, его установлениям, видит смысл своей жизни в исключении себя из круга регулируемых законом отношений, в их нарушении»⁷¹. Да это так. Злоумышленник исключает себя из сферы легитимного порядка. Но как бы он ни старался, он не может реально «исключить себя из круга регулируемых законом отношений», он не может реально оказаться «вне права», «вне закона», потому что его деятельность не безразлична праву, она – объект правового интереса, внимания.

И принципиально важно понять, что наказание следует не столько за то, что опасный для общества субъект вышел за рамки допустимого правом, сколько за то, что он вторгся в ту правовую сферу, где как главные действуют наиболее жест-

---

⁷¹ Демидов А. И. Политико-правовая жизнь: ненормативный аспект // Правовая политика и правовая жизнь. 2002. № 3. С. 23.

кие правовые средства. Не стимулы, а жесткие и даже жестокие, но справедливые меры ответственности. Преступник не может, таким образом, по своему желанию выйти из правовой жизни, отделить себя от нее. Это можно сделать только с дозволения, допущения права. Право так устроено, что оно само удерживает в своих «сетях» правонарушителя, даже если последний успешно скрывается от общения с ним. Достаточно вспомнить о таких юридических феноменах, как сроки давности, принцип неотвратимости наказания за совершенное преступление и др. Можно укрыться в Лондоне где угодно, но остаться вне внимания закона и правоохранительных органов государства, на территории которого совершено противоправное деяние, по личному пожеланию обвиняемого или подозреваемого невозможно. Остается жить и постоянно думать об экстрадиции.

Если криминальных субъектов (как свидетельствует история, криминальными могут быть и структуры, институты общества и даже государство) «исключить» из правовой жизни (даже гипотетически), из круга регулируемых законом отношений, тогда в чем полный, истинный, реальный смысл права, правовых актов, норм? Да и какие такие действия должен совершить преступник, чтобы исключить себя из круга отношений, регулируемых законом, если сам закон этого не допустит? Как это можно сделать? Только одним путем можно оказаться вне права – не совершать преступления, а также не вступать ни в какие иные правовые отношения, т. е.

перестать жить.

И еще заметим, что в учебниках по теории государства и права правомерное поведение, различные виды правонарушений, в том числе преступления, трактуются как виды правового поведения. А в учебнике по криминологии В. Н. Кудрявцев подчеркивает, что «преступность социальна», что есть много людей, которых «само общество сделало преступниками», что «преступная деятельность людей, совершение преступлений является особым видом социальной деятельности (со знаком минус)», выступает против сохраняющейся тенденции «выводить» преступность за пределы общества, отделять ее от него, призывает не забывать «о том, что преступность не просто социальное явление, а социальное явление, «включенное» в правовые границы», рассматривает отдельные преступления и преступность в целом как «явления социальной жизни», «форму социального поведения», «социально-правовое явление, нарушающее нормальное функционирование общественного организма», отвергает позицию, которая трактует преступника как «тип личности, как бы выпадающий из человеческой популяции»⁷².

Действие права в негативном сегменте правовой жизни (по отношению к нему) есть фактическая борьба за право. Это борьба за осуществление идеи права, которая часто разворачивается в неблагоприятных условиях, требует много-

---

⁷² Криминология: учебник / под ред. В. Н. Кудрявцева и В. Е. Эминова. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1999. С. 6, 7, 9, 10–12, 16.

го. При этом важно понимать истинную сущность права, его социальное предназначение. Сущность и ценность права проявляются не только в правомерных феноменах, но и в неправе, отрицая которое, право утверждает себя как самоценность в изначальном, всеобщем смысле права как уникального феномена. Как писал Гегель, посредством борьбы с неправом «право получает определение прочного и действующего», «оно... есть и имеет силу посредством своей необходимости»⁷³.

Таким образом, правовая жизнь содержит комплекс всех юридических явлений, включающий как позитивные, так и негативные составляющие. Если к *первым* следует отнести само право (отражающее права человека, идеи справедливости, гуманизма, свободы и т. п.); правовую систему в целом; механизм правового регулирования; законные правовые акты (правомерные действия, их результаты, юридические документы); юридические поступки (как разновидность правомерного действия – юридического факта) и события как юридический факт; правовые режимы и составляющие их первичные юридические средства (льготы, поощрения, дозволения, запреты, наказания, обязанности и т. п.); правоотношения и юридическую практику; правосознание и правовую культуру; законность и правопорядок; юридическую науку и образование (и их структуры) и т. д.; то ко *вторым* – в основном негативные, противоправные явления (преступ-

---

⁷³ Гегель Г. В. Ф. Философия права. С. 138, 152.

ления и иные правонарушения; их субъекты и криминальные структуры; коррупцию, злоупотребления, деформации правосознания, выражающиеся, в частности, в правовом нигилизме, идеализме, популизме и дилетантизме; ошибки в праве и иные, препятствующие положительной юридической деятельности факторы)⁷⁴.

В. А. Бачинин прав, утверждая как очевидное: «Поскольку существует позитивное (положительное) право, то может существовать и негативное (отрицательное) право как неправо»⁷⁵. Действительно, понятие «неправо» не менее содержательно, чем его противоположность – фундаментальная категория «право». «Право и неправо, являясь в филологическом отношении антонимами, стоят, однако, рядом, подобно тому, как в одних и тех же смысловых рядах пребывают понятия света и тьмы, добра и зла, истины и лжи. Пользование каким-либо одним из них предполагает непрменный ценностно-смысловой фон, создаваемый его противоположностью»⁷⁶.

Негативные формы поведения – часть, сегмент правовой жизни, одна из ее форм. Это, в частности, вытекает из древнего и общепризнанного принципа «Nullum crimen sine

---

⁷⁴ См.: Малько А. В. Теория правовой политики. С. 53.

⁷⁵ Бачинин В. А. Неправо (негативное право) как категория и социальная реальность. С. 14–15. Аналогичной позиции придерживаются и другие ученые. См., напр.: Раянов Ф. М. Введение в правовое государство. Уфа, 1994. С. 47; Он же. Алфавит государства и права. Уфа, 1997. С. 22.

⁷⁶ Бачинин В. А. Указ. соч. С. 14.

lege» (нет преступления без указания в законе). Он законодательно закреплён в большинстве стран мира, в том числе в Конституции РФ (ст. 54), УК РФ (ст. 3, 8, 9).

Некоторые негативные проявления могут рассматриваться как отклоняющееся поведение, которое существует объективно, независимо от того, является оно противоправным и наказуемым или нет. Но только криминализация наиболее вредных и опасных для общества форм такого поведения в законе делает соответствующие виды отклоняющегося поведения противоправными, а негативная активность становится относительно определённым и правовым явлением. Вне связи с принципом законности негативная активность утрачивает этот основополагающий признак и уже не может рассматриваться как часть правовой жизни, её способ и критерий качественного состояния.

Следовательно, негативная правовая активность – это не любое поведение, отклоняющееся от аморфных моральных, религиозных, идеологических и им подобных норм и установок, существующих в той или иной стране, хотя, как небезосновательно считают специалисты, последнее может и должно изучаться в связи (соотношении) с противоправным поведением.

Парадоксальность соотношения позитивной и негативной активности в правовой жизни состоит в том, что они своеобразным образом дополняют друг друга. Более того, специалисты небезосновательно усматривают в негативной части

правовой жизни определенное позитивное значение для общества⁷⁷. Речь идет о следующих обстоятельствах.

1. Все революционные, глобальные по своему значению идеи, процессы, качественно менявшие общественные отношения, возникали сначала в рамках теневой, неформальной части правовой жизни, протекали и развивались как негативно воспринимаемые обществом и правом формы активной деятельности, не признавались изначально в качестве приемлемых в действующем законодательстве. К примеру, идеи свободы, справедливости, равноправия считались первоначально ересью и ворвались в буржуазное законодательство из неофициальной сферы. Наглядным примером может служить и диссидентское движение в период советской власти, представители которого тогда попадали под статьи Уголовного кодекса, а сейчас признаются видными прогрессивными общественными деятелями.

2. При определенных условиях средством достижения прогрессивных целей может служить гражданское неповиновение, в котором политический конфликт становится правовым. Речь идет о нарушении закона, подлежащем наказанию. Но гражданское неповиновение, «будучи противоправным и наказуемым, не заслуживает морального осуждения. Наоборот, в лучших своих традициях оно морально безупречно. Это поведение высоконравственных людей, идеалистов, альтруистов, приносящих свои личные интересы в жертву

---

⁷⁷ См.: Малько А. В. Теория правовой политики. С. 56–59.

общему благу и справедливости»⁷⁸. Вполне обоснованным представляется также вывод о том, что абсолютно правомерный, ненасильственный мир – это нереальная перспектива. Более реальной является задача сократить масштабы насилия, негативной, деструктивной активности, попытаться свести ее к минимуму.

3. Негативный сегмент правовой жизни постоянно дает импульсы для развития и совершенствования позитивной ее части. Наличие негативной правовой активности, ее давление на характер общественных отношений вызывает обратную реакцию. Общеизвестно, что участие позитивно настроенной части общества в борьбе с противоправным поведением другой части – одна из форм положительной правовой активности, которую всемерно надо стимулировать. Деформации правосознания, ошибки в праве, новые виды преступлений и т. п., которые выступают негативными проявлениями правовой жизни, стимулируют поиск противоядий, изобретение новых юридических конструкций, правил, средств.

4. Позитивная правовая активность, не подкрепленная стимулирующими средствами, не находящая опоры в правопорядке, может превращаться в негативную, но имеющую позитивную направленность. Это становится парадоксальной, но вполне реальной чертой правовой жизни современной России. Приведем конкретный пример.

---

⁷⁸ *Мартышин О. В.* Политическая обязанность // Государство и право. 2000. № 4. С. 11–12.

В редакцию газеты обратился с письмом работник отдела по борьбе с незаконным оборотом наркотиков. Он пишет, что, поступая на службу, хотел работать активно, бороться с преступностью, но в процессе работы столкнулся с поголовным нарушением законности со стороны руководства отдела. Его заставили собирать «дань» с наркоторговцев. Далее процитируем: «Не знаю, что там думают в Москве, но я терпеть не желаю. Мне больно видеть, как пропадает молодежь, как пропадает наш город (Саратов. – В. З.). Собрал бригаду из нескольких надежных человек. Сейчас мы собираем данные о наркобаронах и наркоторговцах, а потом начнем их отстреливать. Призываю ментов во всех городах и весях делать то же самое. Иначе России – хана»⁷⁹. Думается, комментарии излишни.

5. И позитивная, и негативная правовая активность выступает в качестве ориентиров при определении направлений правовой политики, которая должна реагировать на протекающие в обществе процессы – и позитивные, и негативные. Последствия несвоевременного реагирования, бездействия убедительно, на наш взгляд, иллюстрируются приведенным примером.

Правильно утверждает А. В. Малько, что «нигде еще никакая правовая система не смогла победить преступность и иные проявления теневой юридической действительности.

---

⁷⁹ Самосуд – единственное решение // Аргументы и факты: региональное приложение для читателей Саратова и Саратовской области. 2002. Март. № 12.

Их можно лишь минимизировать, нейтрализовать же на сто процентов нельзя. По крайней мере, этого еще никому не удавалось»⁸⁰.

Негативная правовая активность – массовое явление. Это характерная черта современной российской правовой жизни – массовость негативных проявлений правовой активности, с одной стороны, и низкий уровень позитивных ее форм – с другой, обусловленный невысоким уровнем правосознания, правовой культуры, широким распространением правового нигилизма, правового дилетантизма и юридической неграмотности большинства граждан.

Теневой сектор правовой жизни – это не только теоретическая конструкция, но и реальность современной российской правовой жизни, которая расцвела пышным цветом в условиях ослабления государственности, безграничной бюрократизации, бесконтрольности и безответственности. В связи с этим уже в начале своего правления Президент РФ В. В. Путин в Послании Федеральному Собранию Российской Федерации 8 июля 2000 г. вынужден был признать, что «диктату теневой экономики и «серых» схем, разгулу коррупции и массовому оттоку капитала за рубеж во многом способствовало само государство», что «вакуум власти привел к перехвату государственных функций частными корпорациями и кланами. Они обросли собственными теневыми

---

⁸⁰ Малько А. В. Современная российская правовая политика и правовая жизнь // Правовая политика и правовая жизнь. 2000. Ноябрь. С. 24.

группами влияния, сомнительными службами безопасности, использующими незаконные способы получения информации»⁸¹.

Опасность для общества представляют все виды негативной активности, но особо в этом отношении выделяется такое социальное явление, как преступность, а в ней – коррупционная и организованная. С учетом активности субъектов этих видов преступности они должны быть объектом особого внимания при осуществлении правовой политики.

Организованная преступность – это весьма разрушительный для общества и государства элемент преступности, это целый пласт, системное образование в структуре деструктивного сегмента правовой жизни. В ее рамках развиваются многие негативные проявления социально-правовой активности, в которых участвуют в качестве активных субъектов представители различных слоев общества:

- система внутреннего управления (своеобразный криминальный менеджмент) и противодействия государству в интересах получения сверхприбылей за счет ограбления государства и общества;
- боевые формирования, специфические силовые структуры, оснащенные современными материально-техническими средствами, обеспечивающие «безопасность» преступных сообществ, в том числе от общества и государства;
- множество специалистов («работников») различных

---

⁸¹ Российская газета. 2000. 11 июля.

сфер экономической, научной деятельности, консультантов по правовым и иным вопросам, адвокатов;

- группы (весьма многочисленные) влияния в государственных органах, включая правоохранительные, мощный аппарат лоббирования своих интересов в представительных органах власти. Огромная часть граждан (далеко не бесталанных) оказывается активной силой противоправной деятельности.

Следует прислушаться к научным выводам о том, что организованная преступность, напрямую связанная с коррупцией, пытается обеспечить свое существование на длительный период, т. е. она думает на перспективу, ставит стратегические цели и задачи и пытается их достигать. «Тем самым мафия претендует на выстраивание собственной теневой политики. Именно в этом таится главная опасность данного вида преступности. Если не срабатывает государственно-правовая политика, на ее место «выдвигается» теневая, которая пытается решать проблемы общества с помощью своей системы ценностей и своих преступных средств»⁸².

Только при системной стратегии заинтересованных структур, постоянном использовании разнообразных средств и технологий масштабы коррупции, организованной преступности, всех других форм негативной активности в

---

⁸² Малько А. В. Современная российская правовая политика и правовая жизнь. С. 24; *Он же*. Антикоррупционная политика России: проблемы формирования // Правовая политика и правовая жизнь. 2003. № 3. С. 77.

правовой жизни могут быть минимизированы и появятся определенные успехи в борьбе с этим массовым социально-правовым явлением.

Резюмируя, отметим следующее. Правовая жизнь, правовое поведение личности и правовая политика государства взаимосвязаны и взаимозависимы. С одной стороны, правовая жизнь (и правовая активность как ее важнейшая часть) дает возможность оценить эффективность правовой политики, исследовать ее сущность, поскольку она (правовая политика) реально воплощается именно в юридической действительности, в правовой жизни личности, государства, всего общества. С другой стороны, правовая политика играет огромную роль в упорядочении и организации правовой жизни, развитии позитивных и сдерживании, минимизации негативных форм поведения граждан, в планировании будущего развития российского законодательства, в развитии социально ценных политико-правовых процессов и последовательной борьбе с негативными проявлениями.

3. Правовая жизнь общества: теоретико-методологические аспекты исследования (А. В. Малько, В. В. Трофимов)

Развитие юридической науки в настоящее время сопряжено не только с появлением новых теоретико-правовых знаний и расширением сферы прикладных разработок, но и с усложнением аппарата и методов научного исследования. Этот процесс для науки права является закономерным и в то же время сложным и противоречивым. Стремление освоить все новые и новые области права (раздвинуть рамки предмета исследования) не всегда дополняется методологическими возможностями (наличием адекватных подходов и методов изучения). Вместе с тем привлечение новых методов (в частности, из других гуманитарных или естественных наук) не всегда означает высокий коэффициент полезного действия от их применения в силу специфики предметного поля юриспруденции.

Одновременно с этим противоречивым и неоднозначным является и процесс «наращивания» категориального аппарата науки права, особенно если это касается так называемых всеобщих правовых категорий. С одной стороны, юриспруденция испытывает «дефицит» целостных и в некоторой

степени претендующих на «универсальность» теоретико-методологических моделей познания мира правовых явлений (чтобы охватить в том числе такие несистемные явления, как «теневое право», инфраправо, «множественность нормативных систем» и пр.). С другой стороны, этот «дефицит» имеет парадоксальный характер, поскольку требуемый массив понятий и категорий, выражающих собой свойственную им методологическую функцию, не отсутствует как таковой (практикуются такие обобщающие понятия, как «правовая сфера», «правовая среда», «правовая реальность» и др.). Однако использование вводимого категориального аппарата либо не приводит к желаемому эффекту, либо «заглушается» теми критериями рациональности, «научности» традиционной методологии, которые сформировались в рамках общей теории права. (Хотя, если говорить о мировоззренческих, философских основаниях, то предпосылки смены таковых (к новым типам рациональности) стали ощущаться как необходимые и «назревшие» в отечественной философии с конца 80-х гг.⁸³)

В определенной мере невысокий «коэффициент полезного действия» правопознавательных конструкций, заключенных в правовых категориях методологических приемов обусловливается недостаточной их разработанностью и не очень

---

⁸³ См., напр.: *Лекторский В. А.* Современное научное познание и развитие теоретико-познавательных исследований (§ 1) // Диалектика, познание, наука / отв. ред. В. А. Лекторский, В. С. Тюхтин. М., 1988. С. 5–13.

устойчивой связью с соответствующими данным правовым категориям философскими моделями (основаниями). Поэтому обратной стороной «дефицита» «понимающих» практик является «инфляция» и нередко хаотичное «нагромождение» терминов, понятий, категорий, которые может быть и могли бы выполнять предназначавшуюся им роль и функцию в полной мере, но не осуществляют этого или в силу неправильной их интерпретации, или в силу неадекватного контекста.

Общая оценка методологического и категориального аппарата, как представляется, именно такова. Не секрет, что практически любое из понятий, претендующих на статус так называемых всеобщих правовых абстракций либо «предельных правовых категорий»⁸⁴, получает очень часто неоднозначную интерпретацию и истолкование. Это и обуславливает определенный научный скептицизм и делает многие исследовательские попытки бесперспективными⁸⁵.

Определенным образом это объясняется самим характером любой гуманитарной науки, имеющей дело не с материально-осязаемыми объектами, а с их духовным «отражением» в виде мнений, суждений, взглядов, теорий, идей и т. д.

---

⁸⁴ См.: *Васильев А. М.* Правовые категории. Методологические аспекты разработки системы категорий теории права. М., 1976. С. 58.

⁸⁵ Как представляется, не случайно в последнее время наблюдается некий отход теории права от проблем разработки общеправовых понятий и перенос познавательной активности на специально-юридические и в главной мере инструментальные вопросы.

По этой причине имеющая место «неоднозначность», «плюралистичность» теоретического и методологического компонентов общей теории права может быть оценена как объективная данность. Несомненно, что и то главное ядро «сомнений» во всем организме правовой теории в виде отсутствия единого «общего понятия права» есть следствие того же рода причин. Тем не менее всегда возможен научный консенсус, который станет итогом развития, диалектики правовой науки. Интенсивность, качество роста во многом будет зависеть от открытости системы правовой науки, от ее predisposedности к модернизации, новым идеям и концепциям.

Современная правовая наука, выполняя свою главную миссию по содействию процессу развития права, последовательно пытается выйти на путь целостного познания правовых явлений в их взаимосвязи и взаимозависимости⁸⁶, комплексного изучения не только статике, но и динамики права. Опыт правовой истории достаточно убедительно доказывает, что изучение права исключительно в рамках догматической юриспруденции не дает критериев для определения пригодности «положительного» права в настоящем и тем более в будущем. Право, познаваемое таким способом, становится «вещью в себе», приблизиться к «открытию» которой

---

⁸⁶ По мнению А. М. Васильева, мыслить о праве – значит «теоретически представлять себе целостную картину правовой сферы общественной жизни». *Васильев А. М. Указ. соч. С. 73.*

не представляется возможным. Как верно в связи с этим отмечает А. И. Демидов: «Догматизированная теория просто не может эффективно взаимодействовать с практикой, не в состоянии охватить новые реалии...»⁸⁷.

В структуре современной правовой теории в отличие от относительно недалекого прошлого все более активно проявляются в своем истинном предназначении элементы философского и социолого-правового осмысления права. От «юриспруденции предметов» наука стала осуществлять постепенный переход к «юриспруденции отношений», которая, по справедливому замечанию русского правоведа Е. В. Спекторского, представляет собой двойной интерес, методологический и социальный. Смысл методологического интереса, по его мнению, заключается в рассмотрении правовых явлений как предметов правовой теории в отношениях между ними, в системе⁸⁸.

Вместе с тем такому комплексному пониманию общего объекта правовой науки (за редким исключением) практически не соответствует ни одна из имеющих место юридических категорий. Категории «правовая форма» и «правовая система»⁸⁹ оставляют за своими рамками негативные пра-

---

⁸⁷ Демидов А. И. О методологической ситуации в правоведении // Правоведение. 2001. № 4. С. 18.

⁸⁸ См.: Спекторский Е. В. Христианство и правовая культура // Русская философия права: антология. СПб., 1999. С. 372.

⁸⁹ Хотя следует признать, что именно в этой категории по сравнению с иными обобщающими категориями (например, «правовая действительность», «право-

вовые явления, «правовая действительность» исключает из сферы изучения правовую историю (преемственность в праве)⁹⁰, «правовая культура» ограничивает себя статическими аспектами (описанием уже существующих или существовавших ранее политико-правовых «учреждений»). Категории «правовая материя» и «правовая идея» – из разряда крайних точек (полюсов) осмысления правовых явлений. Первая соответствует «догме» права (анализу и характеристике юридических конструкций), вторая – доктрине права (метафизике права).

С научной точки зрения искомой научной новизной (или относительной новизной⁹¹) и соответствующим эвристическим потенциалом обладает понятие «*правовая жизнь*». Есть достаточно веские основания придать этому понятию

вая реальность», «правовая сфера») в наибольшей степени нашла адекватное отражение (при этом достаточно последовательно и четко) соответствующая методологическая конструкция (имеется в виду системное знание и системный подход).

⁹⁰ О проблематичности использования понятия «правовая действительность» с точки зрения философских оснований см.: *Сырых В. М.* Логические основания общей теории права. Т. 1. Элементный состав. М., 2004. С. 124–127.

⁹¹ Следует отметить, что использование данной терминологической конструкции имело место еще в советской правовой науке. Так, С. С. Алексеев в своих произведениях указывал на возможность использования категории «правовая жизнь» (несколько отождествляя, правда, ее с понятием «правовая действительность»). В ней он видел обобщающее, синтетическое понятие, охватывающее правовые явления и в статичном, и в динамичном ракурсах, т. е. весь мир правовых явлений. См., напр.: *Алексеев С. С.* Общая теория права. Т. 1. М., 1981. С. 91.

особый категориальный статус⁹², что является принципиально значимым для построения соответствующей системы знаний, имеет методологическое значение для изучения всей проблемы как в плане детерминации логики ее теоретического осмысления, так и выбора адекватных средств и способов познания, определения места в категориальном строе общей теории права. Категория «правовая жизнь» в контексте современного понятийно-категориального аппарата юриспруденции призвана выполнять функцию замещения известной нехватки методологически содержательных категорий, отражающих весь спектр правовых явлений.

Вместе с тем по мере вхождения в поле теоретической юриспруденции данная категория стала претерпевать те или иные «волны» критических замечаний. Главным образом, потому, что к ней начали применять мерки традиционного (классического) типа научного мышления, по сути, перекрывая тем самым процесс развертывания присущего категории

---

⁹² Своеобразной точкой отсчета можно считать научную статью: *Малько А. В.* Категория «правовая жизнь»: проблемы становления // *Государство и право*. 2001. № 5. С. 5–13. См., также: *Малько А. В.* Новые явления в политико-правовой жизни России: вопросы теории и практики. Тольятти, 1999; *Он же*. Политическая и правовая жизнь России: актуальные проблемы. М., 2000. С. 35; *Он же*. «Правовая жизнь» как важнейшая категория юриспруденции // *Журнал российского права*. 2000. № 2; *Он же*. Современная российская правовая политика и правовая жизнь // *Правовая политика и правовая жизнь*. 2000. Ноябрь. С. 21; *Он же*. *Правовая жизнь: основы теории* // *Правовая жизнь в современной России: теоретико-методологический аспект* / под ред. Н. И. Матузова и А. В. Малько. Саратов, 2005. С. 43; *Он же*. *Теория правовой политики: монография*. М., 2012. С. 34 и др.

«правовая жизнь» методологического потенциала, чем обусловлены определенные трудности процесса идентификации в системе теоретико-правовых понятий и категорий.

Вопрос с самого начала приобрел дискуссионный характер⁹³. Вместе с тем уже сам факт внимания к данной проблеме может говорить о том, что требуется ее более детальное рассмотрение⁹⁴.

---

⁹³ См., напр.: *Баранов В. М.* Теневое право. Н. Новгород, 2002; *Матузов Н. И.* Правовая жизнь как объект научного исследования // Правовая жизнь в современной России: теоретико-методологический аспект. С. 9–38; *Брызгалов А. И.* Юридическая наука сегодня: теоретико-методологические проблемы, которые ждут решения // Журнал российского права. 2001. № 6. С. 48; *Он же.* О некоторых теоретико-методологических проблемах юридической науки на современном этапе // Государство и право. 2004. № 4. С. 20–21; *Асланян Н. П.* Понятие гражданско-правовой реальности: постановка проблемы // Общество, политика, экономика, право. 2010. № 1. С. 69–76; *Асланян Н. П.* Понятие правовой реальности: постановка цивилистической проблемы // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2012. № 5. С. 100–108; *Личман Б. В.* Многоконцептуальность методологии российской юриспруденции // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2013. № 2. С. 60–67; *Черных Е. Н.* Категория «правовая жизнь»: вопросы методологии // Правовая политика и правовая жизнь. 2014. № 3. С. 8–15 и др.

⁹⁴ Проблема изучения феномена «правовой жизни» получила развитие в целом ряде актуальных научных работ: *Трофимов В. В.* Правовая жизнь: теоретические и социально-философские проблемы исследования // Правовая политика и правовая жизнь. 2003. № 4. С. 124–133; *Михайлов А. Е.* Правовая жизнь современной России: проблемы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2004; Правовая жизнь в современной России: теоретико-методологический аспект / под ред. Н. И. Матузова и А. В. Малько. Саратов, 2005; *Затонский В. А., Малько А. В.* Категория «правовая жизнь»: опыт теоретического осмысления // Правоведение. 2006. № 4. С. 4–17; *Малько А. В., Михайлов А. Е.* Правовая жизнь общества. Саратов, 2007; *Шиянов В. А.* Правовая систе-

Вообще само по себе неоправданным представляется обособление юридической науки в плане использования так называемой жизненной стратегии познания мира правовых явлений от иных областей гуманитарного знания. В политологии, экономике уже давно приобрели соответствующий категориальный статус понятия «политическая жизнь», «экономическая жизнь» и т. п.⁹⁵ Эти сложные и многоаспектные понятия отражают соответствующие сложные явления в области политики и экономики. И следует полагать, что приход данных научных сфер к необходимости использования искомым понятиям не был искусственным или в чем-то надуманным; вполне очевидно, это стало результатом определенных объективных процессов развития научного знания, тенденций его перехода на новые уровни (типы) рациональности⁹⁶.

ма и правовая жизнь общества: теоретический аспект взаимодействия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008; Трофимов В. В. Концепция правовой жизни: теоретико-методологическое значение // Правовая политика и правовая жизнь. 2009. № 2. С. 61–68; Малько А. В., Трофимов В. В. Теоретико-методологическое значение концепции «правовой жизни» // Государство и право. 2010. № 7. С. 5–13; Ноздрин А. Н. Правовая жизнь как категория современной юридической науки: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Мариуполь, 2013 и др.

⁹⁵ См., напр.: Лузан А. А. Политическая жизнь общества: вопросы теории: монография. Киев, 1989; Борисенков А. А. Политическая жизнь общества // Социально-политические науки. 1991. № 7; Чудинова И. М. Политическая жизнь // Социально-политический журнал. 1994. № 11–12; Краснов Б. И. Политическая жизнь общества и ее демократические параметры // Социально-политический журнал. 1995. № 4 и др.

⁹⁶ См.: Степин В. С. Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая раци-

А если это так, то почему правовая наука не принимает эти вполне простые данности и не становится на эти линии (тенденции) развития научного знания. Ведь вполне очевидны эвристические преимущества от подобного рода новаций. Эта новая категориальная матрица, каковой является понятие «правовая жизнь», ни сколько не размывает предмет юридического знания, а, напротив, придает ему не только технический (юридико-догматический), а истинно социальный (социально-правовой) характер, каковой и должна быть правовая наука в своем предназначении. Так называемая чистая юриспруденция даже не пытается увидеть эти очевидные истины, но так или иначе вынуждена будет их признать, когда «жизнь» вынудит это сделать, обусловит необходимость обратить внимание на сложные социально-правовые процессы.

Именно на данную сложность мира правовых явлений, их многообразие и противоречивость ориентирована исследовательская стратегия «правовой жизни». Как достаточно верно отмечает К. В. Шундигов: «Концепция правовой жизни бросает вызов проблеме сложности объекта юридической науки, по сути, является попыткой выработать более адекватный (по сравнению с ранее применяемыми) методологический алгоритм ее решения. Соответственно актуализируется и проблема поиска корреспондирующих сложности объекта поставленным научным задачам методологических

программ»⁹⁷.

Безусловно, при обновлении понятийно-категориального аппарата науки крайне важным является следование соответствующим философским и методологическим ориентирам, которые обеспечивают творческое развитие частных научных теорий, в том числе юриспруденции как ветви гуманитарного знания. Сегодня уже нет необходимости опровергать попытки «отрицания» значения для правовой науки общих понятий и категорий, философских и методологических построений по причине их «очевидной ненаучности»⁹⁸. Этот этап юридическая наука уже преодолела. Однако в настоящий момент приходится сталкиваться с иной проблемной ситуацией, которая обуславливается кризисным состоянием современного науковедения в целом, что не может не сказываться на состоянии юридической науки и теории государства и права в частности. Правоведение эти проблемы не игнорирует и по мере возможного осуществляет научные поиски и предпринимает шаги по их решению. Учеными этот ключевой вопрос обоснованно актуализируется⁹⁹.

---

⁹⁷ Шундигов К. В. Синергетический подход в правоведении. Проблемы методологии и опыт теоретического применения. М., 2013. С. 111.

⁹⁸ Керимов Д. А. Философия и правоведение // Проблемы методологии и методики правоведения. М., 1974. С. 8.

⁹⁹ См.: Керимов Д. А. Методология права (предмет, функции, проблемы философии права). М., 2000; Демидов А. И. Указ. соч.; Актуальные проблемы методологии юридической науки // Правовая политика и правовая жизнь. 2001. № 1. С. 182–193; Сырых В. М. Указ. соч.; Он же. История и методология юридической

В то же время, очевидно, что из собственного внутреннего кризиса методологии общая теория права сможет выйти только при условии «чуткого» реагирования на все «импульсы», исходящие из системы философского знания, поскольку общая теория права в методологическом плане всегда предстает как «звено познания между философским уровнем обобщения и прикладными юридическими науками»¹⁰⁰.

В связи с этим справедливо подчеркивается в литературе, что «не стоит переоценивать познавательных возможностей категорий правоведения. Юридическая наука не может обойтись без категорий философии и общенаучных понятий. К примеру, философские категории в любом правовом исследовании выступают в качестве исходных мировоззренческих установок, методологических оснований. Велико также значение категорий «смежных» для правоведения наук – социологии, политологии и др.»¹⁰¹.

науки: учебник. М., 2012; *Честнов И. Л.* Актуальные проблемы теории государства и права. Эпистемология государства и права. СПб., 2004; *Козлихин И. Ю.* О нетрадиционных подходах к праву // Правоведение. 2006. № 1. С. 31–40; *Панов Н. И.* Методологические аспекты формирования понятийного аппарата юридической науки // Правоведение. 2006. № 4. С. 18–29; *Гревцов Ю. И., Хохлов Е. Б.* О юрико-догматических химерах в современном российском правоведении // Правоведение. 2006. № 5. С. 1–23; *Пугинский Б. И.* Методологические вопросы правоведения // Правоведение. 2010. № 1. С. 6–19 и др.

¹⁰⁰ *Васильев А. М.* Общая теория государства и права как фундаментальная наука правоведения // Правоведение. 1975. № 1. С. 8.

¹⁰¹ *Нырков В. В.* К вопросу о категориальном статусе научных абстракций правоведения // Новая правовая мысль. 2003. № 1. С. 10.

Определим основные вопросы, которые стоят перед современной наукой права и от решения которых может зависеть ее внутренняя динамика. Первый вопрос: достаточно ли известных «чистых» логических абстракций для познания всего многообразия правовых явлений, всех деталей их «организованных» и «неорганизованных» совокупностей? Второй вопрос: какими должны быть исходные допущения правовой науки (гипотезы о мире права) и соответственно где границы познаваемого ею объекта. Каковы его параметры?

В поисках «внешних оснований» ответов на данные вопросы обращаемся к философскому знанию. «Объективно-истинные знания о праве не могут быть выше результатов, которые теоретически планируют получить специалисты с помощью соответствующих философских оснований и основанных на них методах исследования»¹⁰².

По мнению известного отечественного философа Л. А. Микешинной, современная философия познания нуждается в обогащении понятийного аппарата в связи с расширением представлений о рациональности и включением в когнитивную практику наряду с трансцендентальным субъектом эмпирического субъекта познания. При этом, как полагает ученый, необязательно изобретать новые термины, речь идет, скорее, о признании правомерности использования многих уже известных понятий, в числе которых называются понятия интерсубъективности и коммуникации, *жизненного*

---

¹⁰² Сырых В. М. Логические основания общей теории права. С. 34.

мира и жизни (выделение и курсив наши. – А. М., В. Т.) в ее небиологическом значении.

Обращение к жизни как к феномену культуры и истории обусловлено, во-первых, необходимостью постижения изначального опыта восприятия реальности и выявления непосредственного, дорефлексивного знания, предшествующего разделению на субъект и объект; во-вторых, осознанием недостаточности, неполноты абстракции чистого сознания – логической конструкции, в конечном счете лишаящей человека познающего тех связей, которые соединяют его с реальным миром. Обращение к феномену жизни предполагает расширение сферы рационального, введение новых его типов и соответственно понятий и средств концептуализации, а также принципов перехода иррационального в рациональное¹⁰³.

Подобные установки прослеживаются в утверждениях Н. Н. Алексеева: «Но тот, кто человеческое общество мыслит наподобие некоторого правового порядка, тот неизбежно... упускает из виду, что значительные и наиболее, пожалуй, первичные слои общественного бытия людей строятся не на отвлеченной идее справедливости и права, но на живом и жизненном чувстве... представляющем разветвления глубоких и общих порывов к жизни. С точки зрения идеи юридического упорядочения вся эта стихия общественной жиз-

---

¹⁰³ См.: Микешина Л. А. Философия познания. Полемические главы. Гл. V. Эмпирический субъект и категория жизни. М., 2002. С. 193–194.

ни представляется неважной, ненужной и мало понятной. Самое большее, если ей придают значение некоего иррационального икса, который существует постольку, поскольку может оформляться правом. Но между тем эта общественная стихия не только не представляет из себя бесформенной материи, получающей впервые жизнь от правового закона, но полна богатейшего и самостоятельного жизненного содержания»¹⁰⁴.

Б. А. Кистяковский также не соглашался с теми, кто мог указать на то, что изучение права, существующего в жизни, а не записанного в законах, только затруднит исследователя, но ничего не даст нового в смысле познания права. Нет, именно потому, что «жизнь так богата, многостороння и разнообразна, ... она не может целиком подчиниться контролю закона и органов, наблюдающих за его исполнением ... К тому же писаное право неподвижно, оно изменяется только спорадически, и для изменения его всякий раз требуется приводить в движение сложный механизм законодательной машины. Напротив, правовая жизнь состоит из непрерывного движения, в ней все постоянно изменяется, одни правовые отношения возникают, другие прекращаются и уничтожаются»¹⁰⁵.

---

¹⁰⁴ *Алексеев Н. Н.* Основы философии права. Прага. 1924. Цит. по: История философии права. СПб., 1998. С. 586.

¹⁰⁵ *Кистяковский Б. А.* Философия и социология права. СПб., 1998. С. 206–207.

Г. Д. Гурвич в свою очередь отмечал: «Абстрактные юридические понятия оказываются совершенно не способными охватить всю полноту турбулентного движения реальной правовой жизни с ее спонтанно возникающими и непредсказуемыми институтами»¹⁰⁶.

Одним из тезисов, который проводят оппоненты внедрения категории «правовая жизнь» в юридическую теорию, является то, что она не соответствует пониманию права как некой области «должного», положительно-правового. Так, в своей статье Е. Н. Черных отмечает, что «стремление объять в одной категории весь известный мир права как специфическую форму жизни общества приводит к смешению познавательных стратегий и инструментов, и, как следствие, к конструктивной и элементной несогласованности. Уже в самом названии категории «правовая жизнь», которая является синтезом Сущего – «жизнь» и Должного – «правовая», проявляется эклектичность ее конструкции, в виде проблемы соединения двух онтологически разных и обычно противопоставляемых сфер: действительности фактической и области идеальной, нормативно-ценностной, что является результатом комбинации разных познавательных стратегий: социологической и нормативно-ценностной»¹⁰⁷.

---

¹⁰⁶ Гурвич Г. Д. Социология права // Гурвич Г. Д. Философия и социология права. Избранные сочинения / пер. М. В. Антонова, Л. В. Ворониной. СПб., 2004. С. 575.

¹⁰⁷ См., напр.: Черных Е. Н. Указ. соч. С. 9

Действительно, это «эклектика», но эклектика, определяемая жизнью. В ином случае, к чему же тогда (к какому объекту) применять искомое «должное», если не к «сущему» и каким же образом можно обеспечить автономность того и другого? В конечном счете кто сказал, что правовая жизнь может выражать только «должное» и кто опровергнет, что само «должное» не выражает некое «сущее», которое является его жизненно-бытийной основой и что «должное» не способно проникать в материю жизни, становясь частью «сущего», в чем-то меняя его, в чем-то меняясь вместе с ним? Думается, тезисы кантианской критики теоретического разума, с которой связано отрицание (невозможность обнаружения) в «сущем» стандартов «должного»¹⁰⁸, вряд ли здесь будут весомым аргументом, причем не только в вопросах рассуждения о правовой жизни как категории социолого-правового порядка (и в этом смысле составляющей понятийный аппарат общей теории права), но и о праве как нормативно-ценностной субстанции, которая тем не менее не утрачивает свой социальный характер и потому должна рассматриваться лишь в связи с социальной жизнью. Строго догматический подход (в котором замечаются элементы субъективно-идеалистической философии), проводимый в данном случае критиками «правовой жизни», не дает возможность увидеть, что право в отрыве от жизни – это только «форма»,

---

¹⁰⁸ См. об этом: *Новгородцев П. И.* Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве. СПб., 2000.

закрытая для жизненного содержания.

Мысленно полемизируя со сторонниками подобного одномерного (упрощенного) взгляда на правовую реальность, которая может складываться лишь из положительных, правомерных, правовых явлений, К. В. Шундигов в книге, посвященной синергетическому подходу в правоведении, способствующему анализу феномена «сложности» в праве, убедительно парирует сходные тезисы. В частности, автор справедливо отмечает, что так рассматривать систему правового регулирования – «значит не понимать его сложной природы и намеренно упрощать гносеологические и методологические задачи правовой науки, ведь целый ряд проблем (в частности, проблему формирования и функционирования права) невозможно ни поставить, ни исследовать, не выходя за рамки «строго правового» поля»¹⁰⁹.

С позиции того же синергетического подхода предполагается рассматривать с необходимой глубиной и достоверностью различные динамические (положительные и отрицательные) процессы правовой жизни (стабильность и неустойчивость, кооперация и конкуренция параметров правового порядка; прогресс и регресс, цикличность правового развития; закономерное и случайное в правовой жизни и пр.), т. е. все те явления, которые могут находиться за рамками нормативных правовых предписаний, нередко вступать с ними в противоречие, но вместе с тем не терять своей принадлеж-

---

¹⁰⁹ Шундигов К. В. Указ. соч. С. 44.

ности к миру права¹¹⁰.

Недооценка этого «жизненного» многообразия и есть, пожалуй, то главное познавательное «препятствие», которое выступает в качестве «тормоза» на пути развития правовой науки. Поэтому так важно «вернуть онтологическую укорененность познания вообще и науки в частности», обеспечить вхождение «науки в контекст жизни», переместить центр тяжести из области теории в сферу жизненной практики¹¹¹, начало которому, по замечанию С. А. Аскольдова, положил еще И. Кант¹¹².

Таким образом, закладывая в фундамент познания мира правовых явлений категорию «жизни» или «жизненного мира» (феноменологическая традиция), можно будет осуществить попытку построения целостного видения этого мира, в основе которого находится жизнь (правовая жизнь). По мысли Г. Риккерта, философия жизни обладает всем необходимым, чтобы стать целостным учением, так как жизнь является «принципом мирового целого», что позволяет разрабатывать не только проблемы бытия, но также проблемы ценностей. Философия жизни главное свое преимущество ви-

---

¹¹⁰ См. также: *Шундигов К. В.* Устойчивость и нестабильность в правовой жизни общества // Современное право. 2008. № 1. С. 33–38; *Он же.* Порядок отношений в системе правовой жизни общества: синергетический подход // Ленинградский юридический журнал. 2010. № 2 (20). С. 22–36 и др.

¹¹¹ *Гартман Н.* К основоположению онтологии. СПб., 2003. С. 479.

¹¹² См.: *Аскольдов С. А.* Философия и жизнь // Проблемы идеализма: сб. статей [1902]. М., 2002. С. 459.

дит в «антисистематическом устремлении». «Система ведь во всяком случае есть нечто неподвижное, затвердевшее, застывшее, а потому чужда и даже враждебна постоянно текущей и стремящейся жизни. Итак, философ не должен мыслить систематически в старом смысле. Понимая мир как Все – Жизнь, он должен вместе с тем видеть, что он не умещается ни в какую систему»¹¹³.

Конечно, нет необходимости быть столь категоричными и следовать за философией жизни в ее «антисистематических устремлениях». Однако в качестве одного из «исходных допущений» следует осуществить постановку проблемы жизни как онтологического основания духовной и социальной реальности в центр современной правовой науки. Правовая жизнь может быть рассмотрена как то всеобщее, что обуславливает и объединяет все прочие правовые феномены в единый комплекс (употребляя термин «комплекс», возможно также применение «стоящего» за ним «комплексного подхода», используемого, как правило, в дополнение к «системному подходу»¹¹⁴).

Во многом дискуссионный фон вокруг научного статуса правовой жизни общества возник потому, что данное понятие стало претендовать на то, на что претендовало до недавнего времени понятие «правовая система» – на то, чтобы

---

¹¹³ Риккерт Г. *Философия жизни*. Киев. 1998. С. 284–285.

¹¹⁴ См. об этом: Резник Ю. М. *Введение в социальную теорию: социальная системология*. М., 2003. С. 330–331.

стать предельно широкой категорией, охватывающей собой все юридические явления. Так, Н. И. Матузов в этой связи отмечает, что «в последнее время некоторые правоведы предлагают наряду с устоявшейся и общепринятой у нас и за рубежом категорией «правовая система» (предельно широкой, собирательной, многоэлементной) ввести в юридический лексикон как бы параллельное, но еще более объемное, по их мнению, понятие – правовая жизнь»¹¹⁵.

Но очевидно, что данные категории не следует рассматривать как параллельные или однопорядковые. Думается, малопродуктивно включение в рамки правовой системы несистемных явлений, которые могут иметь признак «правового», поскольку прямо относятся к праву, но противоречат ему – правовой вакуум, правовой хаос, правовое отчуждение и пр., т. е. всего того, что выпадает из системных связей, нарушает эти связи, но не исчезает из самой жизни общества. Будет ли готова категория «правовая система» охватить все эти несистемные проявления, даже если усиленно расширять ее теоретические и методологические рамки (поскольку, следует признать, что системный подход не исключает в том числе и негативные явления, и явление «энтропии» в системе как некие проявления системности и системных механизмов)¹¹⁶? Однако воспримет ли доктрина (тео-

---

¹¹⁵ Матузов Н. И. Правовая жизнь как объект научного исследования // Правовая жизнь в современной России: теоретико-методологический аспект. С. 11.

¹¹⁶ См.: Попков В. В. Двойственность: концепция и структура познавательной

рия) правовой системы эти аспекты, это также вопрос, да и необходимо ли это¹¹⁷?

Понятие правовой жизни, включая в себя понятие правовой системы, олицетворяет собой не только статические, но прежде всего динамические процессы, осуществляемые в юридической сфере, содержит не только системные, но и несистемные сегменты. Верно подмечено, что «правовая жизнь является процессом, действительностью в ее динамике, всегда завершающейся рано или поздно кристаллизацией правоотношений или их разрушением, ... в противоположность понятию правовой жизни понятие правовой системы характеризует общество с точки зрения одной из его структур как продукта кристаллизации общественных процессов»¹¹⁸.

Эвристическое значение системного подхода, конечно, не следует недооценивать. Во-первых, системный подход позволяет сформировать целостную картину объекта, рассматриваемого во всем его многообразии и полноте. Во-вторых, при использовании системного подхода объект берется не

модели // Системный подход в современной науке. М., 2004. С. 235–236.

¹¹⁷ См. также: Трофимов В. В. Правовая система и правовая жизнь как способы познания юридических явлений // Правовая жизнь в современной России: теоретико-методологический аспект. С. 123–148; Он же. О методологическом потенциале категорий «правовая жизнь» и «правовая система» // Правовая политика и правовая жизнь. 2006. № 2 (23). С. 20–31.

¹¹⁸ Малахов В. П., Эриашвили Н. Д. Правовая жизнь, ее содержание и формы // Методологические и мировоззренческие проблемы современной юридической теории. М., 2011. С. 76.

сам по себе, не в изоляции от взаимодействующих с ним объектов, а в единстве и взаимосвязи с ними. Совокупность взаимодействующих с данным объектом явлений рассматривается в качестве его среды или метасистемы или системы более высокого порядка. В-третьих, системный подход ориентирован не только на раскрытие целостности объекта и обеспечивающих ее механизмов, но и на его преобразование в соответствии с объективной логикой его развития¹¹⁹.

Значение системного подхода для анализа правовых явлений не вызывает сомнений, так как он позволяет рассматривать их в целостном единстве, рассмотреть связи между ними. «С точки зрения теоретико-методологической, – отмечает Л. Б. Тиунова, – системные разработки в области права отражают одновременно два взаимосвязанных и разнонаправленных объективных процесса дифференциации и интеграции юридических знаний – системный анализ наиболее сложных комплексных образований и синтез разноплановых явлений в единый комплекс на основании объединяющего их свойства»¹²⁰.

Однако при всех неопределимых достоинствах системного подхода, которые практически полностью компенсируют имеющиеся в правовой науке негативные моменты и труд-

---

¹¹⁹ См. подробнее о научных основах социальной системологии: *Резник Ю. М.* Указ. соч. С. 297–399.

¹²⁰ *Тиунова Л. Б.* Системные связи правовой действительности. СПб., 1991. С. 48.

ности, связанные с процессом его приложения к правовой материи¹²¹

---

¹²¹ См.: *Тицнова Л. Б.* Указ. соч. С. 15–18.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.